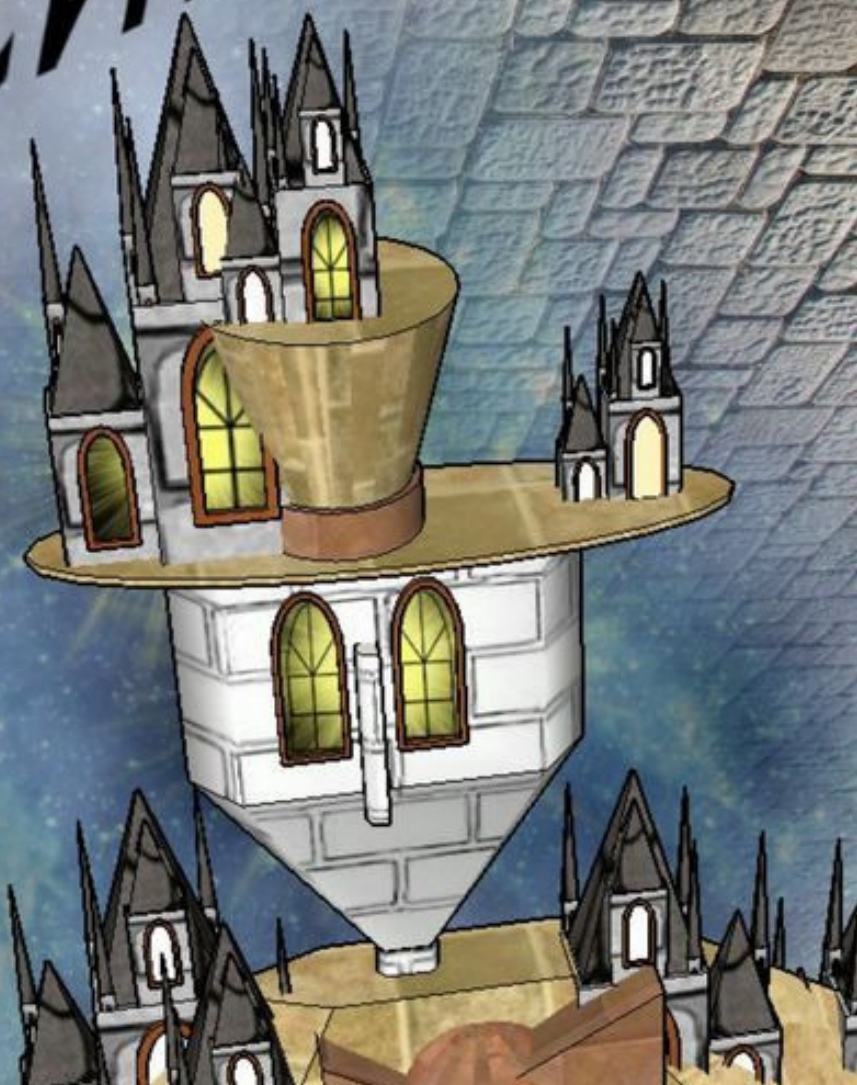

18+

Мария
Фомальгаут

Кофейникс

Мария Фомальгаут

Кофейникс

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Кофейникс / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532579-2

А вы знаете, кто убил правду? А как корове подняться выше луны? А кто прячется под маской метлы? А что падает с неба в клеточку вместо снега? А куда сбежал дом? А как отогреть замерзшую зиму? А почему каждый год забирают Фэа? А из чего построили дом, если ничего нет? Вы видите эту книгу? А найдите, пожалуйста, еще кого-нибудь, кто её тоже видит.....или не видит. Так мы узнаем, что она настоящая.....или не настоящая.

ISBN 978-5-00-532579-2

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Фоторедактор	6
Мертвая правда	9
Крикет, Коралл, Крекер	13
Кэхериэт	17
Кофейник с фениксом	21
Альга, Герба, Фунги...	25
У-Л-И...	31
Маска метлы	34
Минус первый канал	39
Универсум онлайн	41
Тетёсень	44
Hey diddle, diddle...	46
Небо в линейку	48
Зима зимобоя	51
Дикая охота	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кофейник

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Владимировна Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2021

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-2579-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фоторедактор

– Ну что вы делаете, что вы делаете? Мне фото на паспорт, а вы что делаете?

Редактор вздрагивает от крика, не понимает, что такое, в чем провинился, что не так...

– Я вас просила фото на паспорт, а вы что? Вы что, я спрашиваю?

– Я поправить хотел... – оправдывается редактор, – чтобы красиво было...

– Что вы поправить хотели? Что вы там поправить хотели?

– Ну, обычно же так делают...

Тут уже прохожие за редактора вступились, ну что вы, в самом-то деле, сударыня, он как лучше хотел, чтобы вы выглядели красиво, а вы носом ворочаете...

– Да что красиво, что красиво, он мне взял, крылья пририсовал!

Машет крыльями, гневно, возмущенно, а правда, красивые крылья получились, перепончатые, но белоснежные, чуть подернутые перьями. Женщина пробует сделать шаг, не может, неуклюже вспархивает куда-то в никуда, снова кричит, ругается.

Тут уже и прохожие все всполошились, что такое позволяете себе вообще, ишь, выдумали тоже художественную самодеятельность, крылья приделали...

ВЫДЕЛИТЬ

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ УДАЛИТЬ КРЫЛЬЯ?

УДАЛИТЬ

Редактор покорно удаляет крылья, что поделать, не понравились, насильно мил не будешь. Послушно делает снимки улицы, ретуширует, отправляет в газету, как заказывали...

– Вы что натворили?

– А... а что такое?

– Вы что натворили, я вас спрашиваю?

– А... а что?

– Нет, вы на него еще посмотрите... Это что такое, а?

– Дворец Сомнения...

– И что он здесь делает, позвольте узнать? Что здесь было на площади?

– Высотка какая-то...

– Так какого черта здесь дворец?

– Ну... он же красивее...

– Мало ли что красивее, мы вас просили реальность передать!

– Но... теперь он... реальный...

– Слушайте, вы мне тут мозги не морочьте, реальный он... делайте быстро все как было!

Редактор осторожно смотрит на изогнутые арки и причудливые мосты на площади, может, про них не вспомнит никто – как бы не так, газетчики сердятся, рвут и мечут, а-а-а, убирайте все-о-о-о!

ВЫДЕЛИТЬ

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ УДАЛИТЬ ДВОРЕЦ?

УДАЛИТЬ

– Ну, вы же понимаете, что вас наняли делать снимки и поправлять их качество, а не додумывать что-то там?

– Ну, понимаете... иногда так хочется...

– Да, вам бы художественным фото каким-нибудь заниматься, а не этим...

– Верно говорите, мне бы что-нибудь такое... чтобы красиво было... а то поставили сюда, и редактируй, ни шагу влево, ни шагу вправо... Ну вот, опять...

– Ну что... что вы тут опять натворили, я вас спрашиваю? Это как понимать такое вообще?

– Но... честное слово, я не понимаю, о чем вы, что...

– Быстро убирайте все, что вы тут насочиняли, еще не хватало!

Тут уже мы за героя заступаемся, ну что вы так сурово, ну дайте уж проявить человеку фантазию...

– Да какому человеку, какому человеку, это же программа, редактор фотографий!

– Вот оно что, ну надо же...

– Вот именно, так что давайте уж он уберет весь этот бардак...

– Все убирать?

– Убирать, конечно...

ВЫДЕЛИТЬ

ВЫДЕЛИТЬ

ВЫДЕЛИТЬ

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ УДАЛИТЬ ...?

УДАЛИТЬ

УДАЛИТЬ

УДАЛИТЬ

– Ну вот, получилось, вот теперь все в поряд...

– ...а люди где?

– А где люди-то?

Пустые улицы, ветер гонит обрывки листьев.

Редактор в растерянности:

– Вы же сказали... все, что я напридумывал... удалить...

Мертвая правда

Я не люблю Люди-с-клювами, вернее, не то, что не люблю – так, недолюбливаю. Ну во-первых, за это вот, коронное, как увидит кого, хватается за пуговицу, и давай воодушевленно рассказывать, а вы знаете, за семью морями живут люди с птичьими клювами, а по ночам они снимают клювы и кладут на тумбочку...

Нет, я-то, конечно, тоже хорош, ну не могу я молчать, как увижу кого, так не могу не рассказать про далекие-далекие края, где живут люди с двумя лицами, и вроде ходят слухи, – этого никто не видел, это только слухи – что когда эти люди заходят в дома, то снимают второе лицо, остаются в одном.

Так что я Люди-с-двумя-Лицами тоже хорош, и так-то мы все друг друга немножко раздражаем, что есть, то есть. И Молочные-Реки и Кисельные-Берега, и Край-Земли и Деревья-До-Небес – но это все как-то не то, а вот Люди-С-Клювами, это да...

Особенно сейчас, когда...

– Пошли скорей, ты должен это видеть...

Вот так вот он мне и сказал – пошли со мной, я тебе такое покажу – ну или что-то в этом роде он сказал. И зачем я пошел с ним, вы мне объясните, зачем я с ним пошел, что он там может мне вообще показать, ну не страну же, где живут люди с клювами, а на ночь клювы снимают и кладут на тумбочку у кровати...

И правды я тоже не люблю.

Нет, не потому, что они правду говорят, правду говорить, – дело хорошее, мы вот самих себя недолюбливаем, что правду говорить не можем, только все какую-то полуправду. А вот что они возомнили о себе черт знает что, чуть ли не небожителями себя считают, вот это да, доводит меня до белого каления, так что я лучше подальше от них буду, правды сами по себе, я сам по себе, ладно?

А вот не получилось так – Люди-С-Клювами ведет меня к правде, вот она, лежит на опушке леса в овражке, распластала здоровенные крылища.

Распластала крылища.

Правды думают, я им завидую, потому что у меня крыльев нет, только длинные голенастые ноги, – да нет, я-то понимаю, кому что, каждому свое. В мои времена крыльев не было, нечему тут завидовать, всему свое время, не в ту эпоху я родился, в наши-то времена медленно шагали по пустыне из страны, где родились, в страну, где будем жить, – шли месяцы и годы, мы менялись до неузнаваемости, отращивали и сбрасывали клювы, перья, ветвистые рога, павлиньи хвосты. Это вам не сейчас, когда правды облетают полмира за считанные секунды, попробовали бы они пешком пройти годы и годы, пустыни, горы и доли – и остаться правдами...

Правдами...

И вот в овражке лежит правда.

И все бы ничего, обменялись бы короткими любезностями и разошлись, если бы не одно но...

Правда была мертва.

Это было тем более странно, что раньше я никогда не видел мертвую правду, вообще в жизни не думал, что правды могут умирать. А вот нате вам, лежит правда, беспомощно раскинув крылья, обратив к небу остекленевшие глаза...

– Вот... посмотри, – спохватывается Люди-С-Клювами показывает на распростертую правду, – кто-то убил её... убил...

– К-кто?

– Что ты на меня так смотришь, у меня и в мыслях не было! Хорош друг, ничего не скажешь, чуть что, Люди-С-Клювами подозревать, у меня и в мыслях не было убивать кого-то...

Хочу ответить, что у меня и в мыслях не было его обвинять – не отвечаю, не успеваю, мой друг подхватывает меня под руку... вернее, никакой не друг, что мы вместе живем в заповеднике, это не значит, что мы друзья, и ни под какую не под руку, рук у меня тоже нет.

– Надо сказать правдам, – спохватывается Люди-С-Клювами, – сказать правдам правду... что убили правду.

Напоследок наклоняюсь над убитой правдой, пытаюсь разобрать её имя, получается что-то жуткое, Ведьмы-На-Метлах, похоже, это про какую-то страну, где живут ведьмы и летают на метлах.

Смотрим на правду.

И знаем, что смотреть нельзя, что что-то будет с этой правды, если смотреть, тревожное что-то, – и смотрим...

– ...правду застрелили из лука, а потом добили копьями!

Это Люди-С-Клювами. Подхватываю:

– Их было тысячи нападающих, мы не увидели их лиц...

Это я. Ну а что вы от нас хотели, сколько мы шли, прежде чем увидели другие правды, сколько всего успело поменяться в нашей памяти, и теперь мы говорим совсем не то, что было на самом деле, попробовали бы вы сами через всю пустыню пройти, и ничего не забыть и не потерять...

Правды слушают нас – вежливо, и в то же время высокомерно, ишь, пришли тут какие-то старые слухи про страны, которых давным-давно нет, говорят что-то там, непонятно, что, так и быть, выслушаем их бредни...

– Однако, уважаемые слухи, вы ошибаетесь, – правда с большими белыми крыльями откашливается, – ничего подобного не происходило, мы все живы-здоровы, и все тут...

Смотрю на правду с большими крыльями, её зовут – Жгут-Ведьм, она стремительно летает вокруг света и рассказывает, как в какой-то стране жгут на кострах ведьм.

Меня передергивает. Я хочу возразить, что ничего подобного, что в этой стране никого не жгут, а ведьмы преспокойненько себе летают на метлах, заговаривают болезни, прогоняют непогоду, ворожат дождичек, чтобы урожай не засох.

Меня слушают. Насмешливо. Снисходительно. Я уже все понимаю по их взглядам, ну, старая легенда где-то что-то там услышала, переврала все, что только может перевернуть, и теперь рассказывает непонятно что...

– Но это правда! – не отступаю я, – правда! Правда... убитая в овражке...

– ...невероятно, – говорит Жгут-Ведьм, наливает мне вино в чашу, – так вы говорите... убили?

Я оживляюсь, воодушевляюсь, хоть кто-то слушает меня, хоть кому-то не все равно, и Жгут-Ведьм добавляет, что, конечно, я много что приврал, ну не могу я не приврать, я же сколько шел через пустыню, растерял всю правду, нацепил на себя кучу вымыслов – и все-таки в этом что-то есть, убили правду про ведьму на метле...

– Убили, – киваю я, – мне знаете, что кажется... Она же хорошо говорила про страну с ведьмами... хорошо так говорила... а кто-то, видно, страну эту с ведьмами очернить хотел... вот и убил правду... и сочинил какую-нибудь выдумку, что-нибудь нехорошее про страну эту...

– Какая удивительная версия, как это вы хорошо придумали... – Жгут-Ведьм поднимает чаши, намекает, да вы пейте, пейте...

Пью – тут же успеваю заметить причудливые металлические конструкции под крыльями правды, меня передергивает, не может быть под крыльями у правды никаких болтиков и креплений...

Пробую вино, что за вкус, не может быть такого вкуса у вина, тут что-то не то... И надо что-то делать, и понять бы еще, что, а не понимаю, продолжаю говорить, как ни в чем не бывало...

– Мне кажется, кто-то очернить эту страну хочет... Ну, например, чтобы показать, какая дурная страна, какие вещи нехорошие там творятся, чтобы потом войной на эту страну пойти... Вот и убили правду, как там ведьмы на метлах летают, целебные зелья варят, а вместо неё сделали какую-нибудь другую, ненастоящую правду, например... например...

Не договариваю. Смотрю на Жгут-Ведьм.

Не успеваю ничего понять – меткий выстрел Жгут-Ведьм пробивает мне ногу, я бросаюсь бежать – на оставшихся трех, я даже забываю, что не умею бежать, мы были рождены, чтобы медленно странствовать из страны в страну, вышагивать по пустыням, а не скакать во весь опор.

Хлопанье металлических крыльев.

Щелчки выстрелов, пули взрывают песок, чаще, чаще, чаще...

Чувствую, что шансов нет, не может быть шансов у того, кто родился в стародавние времена, ходил по пустыням, по горам и долам, из страны в страну, пытался донести хоть крупицу правды, не затерявшейся в пути...

Бежать.

Высоко скидывать голенастые ноги с десятками суставов...

Хлопанье крыльев.

Здесь.

Совсем рядом.

Прыгаю – далеко, высоко, полететь бы сейчас, да как...

Взмахиваю крыльями.

Еще.

Еще.

Еще.

Поднимаюсь в небо, все выше, выше, дальше, дальше, сам не понимаю, что такое случилось, да не может такого быть, не может...

Крики там, сзади.

Изумленные возгласы.

Переполох – держите его, держите-держите-держите, а-й-й-й-й, уходит-уходит-уходит...

...догадываюсь уже там, высоко в небе, я же смотрел на мертвую правду, – которая умерла, но не хотела умирать, передала мне себя, передала мне крылья...

Крылья...

Такие непривычные, такие пугающие, а ведь я и не знаю, как это – огибать полмира за считанные секунды, одновременно разноситься по многим и многим городам... а ведь я даже не знаю толком, как приземляться...

Они обгоняют меня – стальные мертвые птицы, они кричат наперебой, держите, держите его, он врет, – я знаю, они меня не догонят...

Крикет, Коралл, Крекер

А вот что.

Он хочет обокрасть дом.

Ну, конечно же, что еще. Хотя может быть много и много всякого еще – например, хочет убить меня, интересно, зачем ему это делать, да какая разница, да мало ли что у него там на уме.

Но хочет обокрасть замок – это однозначно. Потому что иначе чего ради бы он ходил вокруг да около, пытался заглянуть за крепостные ворота, смотрел в окна. Потому что иначе чего ради он бы вообще приехал сюда, в маленький городишко, забытый судьбой, хаживал бы по улицам, перебрался с местными парами фраз, заказывал бы в крохотных тавернах что-нибудь такое простенькое, что будет только предлогом поговорить с хозяйкой или посетителями...

Что он ищет, спрашиваю я себя.

Что он ищет.

Что он ходит вокруг моей крепости – какой-то невзрачный, ничем не примечательный, как будто когда раздавали лица, его выгнали из очереди.

Не выдерживаю.

Встать, говорю я себе. Выйти на улицу, вотпрямздесь, вотпрямшас, встретиться с ним – лицом к лицу, спросить...

– Чему обязан?

Откашливается, как мне кажется, с хриплым карканьем.

– Я... вы... а можно посмотреть ваших воронов?

Мне кажется, я ослышался. Оглядываю стены замка, голые черные деревья на фоне сумерек, каркающие комки перьев, которые устраиваются на ночлег, чистят клювы, гортанно переругиваются...

– Воронов?

– Ну... ну да. Вы извините, я, наверное, не вовремя... вечер уже... Я вот не знаю, а во сколько у вас туристам можно?

Так опешиваю, что даже не говорю, что туристам у нас не можно ни во сколько. Что у нас тут частные владения, а не проходной двор, фото на фоне замка столько-то, фото на фоне ворона в два раза дороже...

– Э-э-э... п-пожалуйста... вот они... это вот Король, это Крест, это Крейсер, это Крах, это Креп, это Крикет, это Коралл, это Кража...

Многозначительно поглядываю на незваного гостя, подскочит он или нет при слове – Кража, нет, даже в лице не меняется, похоже, не воровать пришел...

Заканчиваю:

– ...Крыл, Креол и Крекер... Были еще Крупье и Кромвель, но время их не пощадило...

– Соболезную... что же... даже век ворона не бесконечен... Извините... вломился тут... а... а скажите, пожалуйста, а во сколько они пьют чай?

Мне кажется, я ослышался:

– Простите?

– А во сколько ваши вороны пьют чай? Извините, они, наверное, посторонних видеть не захотят...

– Да нет, просто... они как-то... чая не пьют.

– Предпочитают что-нибудь другое?

– Да... э-э-э... ну... ну да.

– Утренний кофе?

– Да они как-то и кофе не очень-то...

Многозначительно смотрю на гостя, что ты мне зубы заговариваешь, что вообще пришел...

– А я бы с удовольствием посмотрел, как вороны сражаются на шпагах...

Фыркаю:

– Да, я бы на такое тоже с удовольствием посмотрел!

– Правда? А... а когда они это делают?

– Ну, не хочется вас огорчать, но боюсь, что никогда.

– Я понимаю... это, должно быть, опасно...

– Да уж, если вороны будут сражаться друг с другом на шпагах, это будет очень даже опасно. Опаснее только на пистолетах...

– Они еще и устраивают дуэли на...

– ...ничего подобного.

– Да, вот это правильно, только дуэлей не хватало... А могу я поговорить с ними?

Меня передергивает:

– Поговорить с воронами? Ну, вы не устаете меня удивлять... Вы разговариваете с воронами?

– Но они же умеют говорить?

– Ну... пару раз я пытался научить Кражу говорить свое имя, только некстати заинтересовалась полиция...

– Но как же... – он растерянно смотрит на меня, – они же... они же должны говорить... играть в шахматы... сражаться на шпагах... пить чай...

– С чего вы взяли?

– Ну, вот же, вот же... вы сами-то посмотрите... там же написано...

– Да где же?

Он показывает мне толстенную книгу, чувствую, что разговор предстоит долгий, и какого черта я говорю – входите пожалуйста, какого черта я пускаю в свой дом непонятно кого...

– Вот... смотрите...

Разворачивает страницы, я листаю, я пытаюсь понять, что это такое вообще... язык какой-то... наш и в то же время не наш...

Спохватываюсь:

– Это... это же перевод?

– Верно говорите, перевод...

Читаю заголовков, все равно ничего не понятно...

– ...странствования Октахора Симплекса в городах Полнолунии... Что-то я такого... нет, вроде, слышал... но как-то он у нас... не особо в почете...

– Да? А у нас популярнейшая личность, его истории о дальних странствиях расходятся колоссальными тиражами...

– У вас там так хорошо понимают по-английски?

– Да я бы не сказал... эту книгу переводил искусственный переводчик... а потом уже её снова перевели на ваш язык... вот... посмотрите... здесь написано... в пять вечера вороны, как ни в чем не бывало, устроились пить чай, а ближе к полуночи старший ворон взял скрипку, чтобы сыграть веселый полонез... Или вот еще, вот еще, читайте... когда враги приблизились к крепости, вороны схватились за клинки, чтобы дать достойный отпор врагу...

Настораживаюсь:

– Это что... это сказка какая-то?

– Да какая сказка, он же пишет – основано на реальных событиях... или вы думаете, что Октахор Симплекс будет врать?

– Нет, я так не думаю... ни в коей мере... однако, Октахор Симплекс был тот еще выдумщик, как знать, может, он сочинил очередную сказку...

– Не похоже на сказку, он же пишет – основано на реальных событиях... как ни крути, чистая правда...

Смотрю на воронов, копошащихся в зарослях облетевших деревьев, первый раз смотрю как следует, почему я ни разу не видел, чтобы они пили чай...

– Может... может, они пьют чай, когда никто не видит? – спрашиваю в пустоту.

Пустота не отвечает, незванный гость настороженно смотрит на меня, кажется, только сейчас начинает о чем-то догадываться, разочарованно выдыхает.

– Понимаю... так вы никогда не видели, чтобы...

– Честно признаюсь, никогда...

– Так значит, они... тайно от вас...

Киваю:

– Получается так... тайно...

Оставляю на столике в саду чашки с чаем, вороны спускаются вниз, кружатся, оглашают вечер гортанным кор-р-р. Я отворачиваюсь, я не мешаю им, я понимаю, они не захотят устраивать чаепитие в моем присутствии.

Думаю, как это будет.

Не знаю.

Представляю себе, как вот это вот все, каркающее и крылатое, опускается на стол, берет чашки, интересно, как, крыльями или лапами, отламывает кусочек бисквита...

...я этого не увижу.

Нам не положено смотреть.

Мой гость смотрит на меня с надеждой:

– А если... а если видеокамеру подставить?

Мотаю головой:

– Боюсь, им это не понравится...

Он кивает:

– Да... пожалуй, вы правы...

Хочу добавить еще что-то, не добавляю, оторопело смотрю на стену замка, где висели шпаги, это еще что, да какого ж черта...

– К-какого...

– А-а-а, шпаги... я тоже заметил...

– Куда они...

– Так это эти постарались...

Не верю своим ушам:

– Воро...

– ...вороны. Похоже, они и правда собираются сражаться на шпагах...

Меня передергивает, я не хочу, чтобы птицы сражались на шпагах, только этого мне еще не хватало...

– Ну... я думаю, у них есть какой-то кодекс чести... до первой крови там...

Сжимаю зубы. Надеюсь, что кодекс чести у них есть...

Наутро не вижу Коралла и Корабля, больно сжимается сердце, нет, говорю себе, ну, пожалуйста, ну только не это...

Коралл и Корабль прилетают ближе к вечеру как ни в чем не бывало. На всякий случай перевешиваю шпаги подальше, но наутро они снова исчезают, и я нахожу их в тени ветвей...

– ...скорее... да скорее же!

– Ч-что т-такое?

Оторопело смотрю на своего гостя, так и не спросил, как его зовут...

– Да враги же! Враги!

Еще хочу спросить, что за враги, какие враги, тут же спохватываюсь, ну, конечно, враги они и есть враги, что тут непонятного-то...

Хватаюсь за шпагу, понимаю, что шпаги нет, ничего нет, какого черта...

А.

Ну да.

Конечно же...

Вспоминаю:

– Вороны! Вороны должны спасти город и крепость!

– Ну, конечно, они же это делали не раз...

Смотрю в окно крепости, вижу частоколы копий, пштыков, они уже совсем близко к нашему городку...

Я делаю людям знак из окна крепости – чтобы успокоились, не волновались, вороны все сделают, вот они переполошились, вот они оглашают окрестности хриплым карканьем, кружатся над крепостью, над кр-репостью, волнуются...

Я жду, когда они возьмут клинки.

Ничего не происходит.

Я догадываюсь, что надо отвернуться, не смотреть, не видеть, – и мы отворачиваемся, и мы не смотрим, мы слышим, как взмахивают клинки, как падают тела убитых.

Все будет хорошо, говорю я себе.

Все будет хорошо.

Что-то заставляет меня насторожиться, открыть глаза – и вовремя, чтобы увидеть улицы, усеянные трупами моих соотечественников. Я не понимаю, я не верю себе, как так, вороны кружатся над убитыми, как будто ждут богатого пиршества...

Но как же...

Но что же...

Снова открываю книгу, которую принес путник, зачем я открываю, зачем читаю снова и снова, когда враги напали на город, семейство воронов взялось за клинки и шпаги, висящие на стенах замка – они отразили атаку, и земля обогрилась кровью недругов, кр-р-ровью...

Смотрю на воронов, надеюсь уже непонятно, на что, слышу топот шагов за спиной – я, Джеймс Кроу, наследник рода Кроу, я вижу, как гибнут жители городка, Алан Кроу, Элизабет Кроу, Берт Кроу, Вильям Кроу, старый лавочник Колин Кроу...

Осознание приходит слишком поздно, я уже не успею найти настоящую книгу, не переведенную два раза с английского на какой-то там и снова на английский, я уже не успею прочитать, когда враги напали на город, семейство Кроу...

– ...а ведь получилось.

– Ну, вы даете... в жизни бы не подумал... ловкий вы...

– Что есть, то есть...

– Что же, крепость пала... новое заданье возьмете?

– Обязательно.

– Есть тут один город на острове...

– ...в океане?

– Да то-то и оно, что не в океане, а вообще не пойми, где... вы бы разобрались, как нам этот остров к рукам прибрать...

– ...разберусь... обязательно...

Кэхэриэт

У меня череп вместо головы.

На самом деле нет.

У меня кошачьи зрачки в глубине глазниц.

На самом деле нет.

Меня зовут Ловец.

На самом деле нет.

Так видят меня на экране в квадратике сколько-то там на сколько-то там.

«...мы стали слишком сильно доверять призракам и духам, живущим на острове – мы стали забывать, какую опасность они представляют на самом деле. Стоит ли удивляться, что люди искренне изумлены, когда наивный хозяин большого дома поселит у себя призрачную баньши, а потом недоумевает, почему умер кто-то из его близких или он сам? Мы забыли, как наши предки беспощадно убивали баньши заклинаниями, чтобы темные мороки не приближались к человеческому жилью...»

– Ты занят? – Кэхэриет заглядывает в комнату, не столько вижу её саму, сколько слышу приглушенный голос.

– Сейчас, сейчас... – допечатываю фразу...

ОТПРАВИТЬ

Сделано...

Обнимаю Кэхэриет, призрачную, невесомую, прижимаюсь к невидимым губам.

Захлопываю ноутбук.

Спускаюсь из башни в уютный зал на втором этаже замка, где уже дымится на столе жирная индейка.

– А ты мне про свою работу не рассказывал, – напоминает Кэхэриет.

– А... ну... работа, как работа...

Кэхэриет смеется.

– Нет, а правда, что там?

– Да... тексты писать...

– А про что?

Тоже смеюсь:

– А про все.

Она не узнает.

Не узнает.

Звякает телефон.

ПОПОЛНЕНИЕ СЧЕТА НА 765...

Сжимаю зубы, мало, чертовски мало на большую семью, непрослительно мало.

У меня череп вместо головы.

На самом деле нет.

У меня кошачьи зрачки в глубине глазниц.

На самом деле нет.

Меня зовут Ловец.

На самом деле нет.

Так видят меня на экране в квадратике сколько-то там на сколько-то там.

Вечереет.

Над холмами поднимается луна, обглоданная с одного края, думаю, надо бы написать про тех, кто глодает луну, хотя нет...

В комнату проскальзывает Лианнан, маленькая, юркая, веселая, я сжимаю зубы, сейчас начнется, ну па-а-ап, ну па-а-ап, сейчас работать не даст... Одергиваю сам себя, дети-то быстро растут, лет через пять сам себе не прощу, что вот так отмахнулся от Лианнан, заработал какие-то гроши, а Лианнан... а где она, а уже где-то там, далеко, и уже не посидишь с ней, не поиграешь в блошки, в у-медведя-во-бору...

– А работаешь?

– А... ну... да... что-то не клеится...

– А давай я тебе вдохновение сделаю...

Смеюсь:

– Да ты же вроде только менестрелям и поэтам можешь...

– А давай тебе тоже вдохновение сделаю...

– А давай...

Уже понимаю, что я буду писать...

«...Люди наивно полагают, что Ланнан-Ши – не более чем невинный дух, весело играющий в заброшенных колодцах. Мы успели надежно забыть, что имеем дело с безжалостными убийцами, выпивающими кровь до последней капли. Мы забыли, как наши предки не жалели серебряных пуль, чтобы избавиться от исчадий ада...»

...ПОПОЛНЕНИЕ СЧЕТА НА 895...

У меня череп вместо головы.

На самом деле нет.

У меня кошачьи зрачки в глубине глазниц.

На самом деле нет.

Меня зовут Ловец.

На самом деле нет.

Так видят меня на экране в квадратике сколько-то там на сколько-то там.

Невольно думаю про тех, по ту сторону экрана, которые пищут – пополнение счета...

– А можно спросить... а вам с этого какая польза?

– А нельзя.

– А вы серебряные пули продаете, да?

– Да.

Или:

– Нет.

Мысленно представляю себе разговор с ними – разговор, который никогда не состоится.

Луна уходит куда-то никуда, мне не хочется включать лампу, мне не хочется ничего делать, хочется зарыться в одеяло и спать...

...крик.

Там, внизу, в комнатах, даже не сразу понимаю, где – бегу по лабиринтам замка, спотыкаюсь о самого себя, падаю куда-то на потолок. Натыкаюсь на Кэхэриет, бледную, безмолвную, почему она лежит на полу круглого зала с мозаикой в виде компаса, лежит, пронзенная серебряной пулей, перед окном, распахнутым в зимнюю ночь...

Холодеют руки, закрываю окно – как будто это может что-то изменить, что-то исправить, припоминаю какие-то обряды, как вернуть убитую баныши – понимаю, что никак.

– Па-ап...

Хватаю в охапку Лианнан, увожу прочь, прочь, в библиотечную анфиладу, дальше, в шахматный зал, усаживаю на кресло в виде коня, Лианнан как всегда поправляет, это не конь, это келпи, киваю, келпи, келпи, конечно же, келпи, кто бы сомневался...

Закрываю двери, закрываю ставни, Лианнан ноет, хочет морозное небо, исколотое звездами, – я включаю какой-то космический ночник, по потолку бегут разноцветные огоньки. Лианнан сворачивается клубочком, кажется засыпает. Открываю ноут, набираю – привычно, механически...

«...Люди! Не повторяйте чужих ошибок! Не приманивайте келпи! Не забывайте, что это не мирные безобидные лошадки, а смертоносные чудовища, убивающие...»

...спохватываюсь.

УДАЛИТЬ.

Закрываю ноут, пропади, пропади оно все...

Тренькает телефон, кому опять нейдет...

«Напоминаем, что в этом месяце стоимость аренды замка составляет...»

Чер-р-р-т...

Открываю ноут, сжимаю зубы...

«...Люди! Не повторяйте чужих ошибок! Не приманивайте келпи! Не забывайте, что это не мирные безобидные лошадки, а...»

Оглядываю шахматную комнату, вижу в темном углу что-то с длинными когтями и копытами, пронзенное серебряной стрелой. Мне не по себе, мне не верится, что они пробрались сюда, те, кто читают Ловца, полторы тысячи прочтений в день, начислено семьсот...

Сжимаю первое попавшееся оружие, благо, в замке его много, затравленно оглядываю комнату, клеточки, клеточки, клеточки, пуфики в форме пешек, столик в виде шахматного слона, шкафчики в виде ладьи, мирно спящая Лианнан, Ланнан-ши, как говорила Кэхэриет...

Кэхэриет...

Больно сжимается сердце.

Сжимаю серебряный кинжал, готовый заколоть любого, кто приблизится к нам, – комната отражается в зеркальных стенах, становится бесконечной, мне то и дело мерещатся какие-то тени в лабиринте шахматных фигур, нет, это мое отражение...

Или...

Арктический лед в сердце.

Только сейчас понимаю, что вижу Ловца.

Здесь.

Напротив.

У него череп вместо головы.

На самом деле да.

У него кошачьи зрачки в глубине глазниц.

На самом деле да.

Его зовут Ловец.

На самом деле да.

Я не понимаю, как он сошел с экрана, как он оказался здесь, – живой, во плоти, так не бывает, просто не бывает, вот келпи, баньши, лианнан-ши – бывают, а сошедшие с экрана – нет, нет, нет...

Замахиваюсь кинжалом – он тожемахивается точно таким же кинжалом, почему у него такой же кинжал из серебра, почему он одет как я, почему он повторяет мои движения, почему он в зеркале, почему это мое отражение, почему у меня череп вместо головы – на самом деле, да, почему у меня кошачьи зрачки в глубине глазниц – на самом деле, да, я не Ловец, я не Ловец, я...

...тот в зеркале поднимается, сжимает кинжал, идет через комнату, заносит руку над Лианнан, спящей в отражении, почему я не могу остановить его, почему, почему, почему...

Кофейник с фениксом

Стражники.

Четверо.

Октахор Симплекс пытается придумать еще что-нибудь, больше ничего не придумывается, вертятся и вертятся все те же два слова.

Стражники.

И – четверо.

А да, еще алебарды. Или алебастры. Или как оно там называется, чем сейчас Октахору Симплексу отрубят голову.

А ведь так все хорошо начиналось, неприступная крепостная стена, увитая плющом, путь, который показался длиною в вечность, узкие коридоры и переходы, не менее узкие улочки Лунограда, лабиринты переходов из ниоткуда в никуда, башня, казалось, проткнувшая луну, мириады ступенек винтовой лестницы, блики луны, расколотые витражными окнами на мириады искр – и святая святых, время на башне...

И стражники.

Четверо.

И да, еще алебарды. Или алебастры. Или как их там.

И уже не скажешь что-нибудь про заблудился, это постараться надо, заблудиться в городе, обнесенном крепостной стеной, и оказаться на башне...

И...

И...

И —

– Добро пожаловать, господин Симплекс.

– А...?

– Добро пожаловать. Для нас большая честь... Если вы еще не выбрали себе гостиницу, рекомендуем Кофейникс, чудесное место... что-то между кофе, кофейней, кофейником, фениксом, и еще не пойми, чем...

– Большое спасибо...

– Да не за что, рады помочь...

Симплекс не верит себе, Симплекс не понимает, почему ему до сих пор не отрубили голову в узких переулках Лунограда, так не бывает, так просто не должно быть... где дворцовые интриги, где заговоры, где звон шпаг на каждом шагу, где то, без чего невозможно представить себе Луноград...

– ...я уж думал, мне устроят показательную казнь...

Это Октахор Симплекс говорит уже потом, в Кофейниксе, где уютно устроился в кресле в маленьком кафе в компании чашечки кофе...

– Казнь? – чашечка кофе изумленно хлопает глазами, – вы что имеете в виду?

– Ну как же, каждому, кто пробрался в город, отрубают голову...

Чашечка смеется залихватским звоном.

– Ах-ха-ха, какой вы право смешной!

– Позвольте, позвольте, это была не шутка... мне говорили, что вы...

– Ну что вы, ничего подобного... – чашечка мрачнеет, – очень странно, почему так... должно быть, наш автор что-то напутал...

...автор просыпается, – за секунду до того, как клинок касается его горла.

– Чему обязан?

Автор сам удивляется, как спокойно звучит его голос, как будто ничего и не произошло...

– Октахор Симплекс... к вашим услугам...

– Вы... не может... не может быть... невысказано... Для меня. знаете ли, большая честь...

– Скажите... зачем вы это делаете?

– Ч-что делаю?

...автор смотрит, как чайник разливает по чашкам чай, подталкивает чашку дорогому гостю, да не бойтесь, пейте, не отравлю я вас, где это видано, чтобы автор собственного героя отравил... м-м-м... а ведь видано, еще как видано, только это не тот случай, не тот...

– Ну а как вы хотели, дорогой мой Симплекс, заказ отрабатывать надо...

– Заказ?

– Ну а вы что думали, конечно, заказ, думаете, так бы за эту графомань платил кто-нибудь?

– Но... кто и зачем вас просил очернить Полнолунию?

– Ну, этого я вам сказать не могу, у меня свои тайны...

– Ну, кто бы это ни был, можете расторгать с ним контракт.

– В смысле?

– В прямом смысле. У вас ничего не получилось... правда пробилась через ваши лживые выдумки, Полнолуния в книжке получилась такая, какая она есть на самом деле...

– И что... хотите сказать, это кто-то читает?

– Можете не сомневаться, еще как...

– С ума сойти можно... надо же... большое вам спасибо, уважаемый Симплекс, честное слово, гора с плеч, что мне не придется больше врать про Полнолунию...

– ...большое вам спасибо, уважаемый Симплекс, честное слово, гора с плеч, что нам не придется больше бороться за правду день ото дня...

Октахор Симплекс откашливается:

– Я, собственно... не хочу доставлять вам лишнее беспокойство, но я пришел сюда за временем...

С этими словами Симплекс поднимается по ступенькам бесконечной лестницы на вершину башни.

– За временем?

– Ну да... стыдно признаться, я должен его похитить... за этим послал меня автор...

– Ну, зачем же что-то похищать, мы с удовольствием подарим вам время, – говорит один из стражников.

Страннику кажется, что он ослышался.

– Подарите... время?

– Ну, конечно, время, это дело такое, у нас его навалом...

– Право же... вы уверены?

– Абсолютно... вот сюда... пожалуйста...

Октахор Симплекс осторожно входит на площадку – отсюда весь город как на ладони, – смотрит на время, тут же спохватывается, почему он видит только циферблат, а где само время, время-то где...

– А где же... время?

– Ну что же вы хотите, уважаемый Симплекс, мы же какой Луноград? Ненастоящий. Где же мы вам возьмем настоящее время?

– Вот ведь черт! Из-звините... я так и думал, что все будет не так-то и просто... так и чувствовал, что если все идет так просто, то в результате окажется невозможным...

– Ну, отчего же невозможным, просто настоящее время нужно искать в настоящей Полнолунии.

– Это... это же всего лишь шутка?

– Отнюдь, уважаемый Симплекс...

– И как же вы предлагаете мне попасть в настоящий Луноград? Это же не невозможно!

– Э-э-э, уважаемый Симплекс, Луноград на то ли Луноград, что на его улочках можно найти все, что угодно, вот так вот случайно свернете не туда, подниметесь не по той лестнице не в том проулке – и нате вам, вот вы и в настоящей Полнолунии!

– Вот как... вы мне покажете этот переулок?

– Э-э-э, нет, эти переулки нарочно никто не найдет, это вам нужно случайно на него наткнуться, поплутать по городу!

– Да, пожалуй, вы правы... придется поплутать...

– ...неужели... неужели это здесь?

– Все верно, уважаемый Симплекс.

– Я так и думал, – Симплекс смотрит на улицу, которая медленно перерастает в лестницу, – я так и представлял себе что-то такое...

Октахор Симплекс идет по лестнице, чуть теряется в тумане осени, идет к башне, которая возвышается над городом.

Ненастоящие стражники смотрят в настоящий мир, прислушиваются.

Окрики.

Два выстрела.

Все кончено...

– ...а ловко вы притворились автором, который про Полнолунию врал...

– Чего не сделаешь, чтобы от Симплекса избавиться...

– Постойте... так вы же могли его и в вашем вымышленном Лунограде убить!

– Не могли бы... понимаете, в книжке другие законы действуют, не может быть такого, Октахор Симплекс в книжке непобедим... а вот в реальной Полнолунии очень даже.

– Ну, вы вообще молодец... даже не беспокойтесь, кусок времени вы получите, как договаривались...

Расходятся из Кофейника, держат алебарды. Или алебастры, или что у них там...

Альга, Герба, Фунги...

Это не это не литий, говорю я себе.

Не литий.

Это кадмий, какого черта я вообще перепутал его с литием, хотел бы я знать, о чем вообще думал, когда запомнил, – литий, когда выверял траекторию, орбиту...

Отсюда я вижу только тоненький серпик планеты, как будто обглоданный, даже кажется, что там, в темноте, ничего нет, но это только кажется, там меня поджидает губительная твердь, от которой не будет возврата.

Разогнаться.

Изо всех сил.

Лететь, изрыгая пламя, – чтобы вырваться из кадмиевого плена, чтобы хотя бы вырваться на орбиту, а не упасть на твердь. Космос не прощает мимолетных промашек, я это знаю. Я уже вижу чуть поодаль какие-то обломки, кладбище тех, кому не повезло, кладбище, которое медленно плывет вокруг мертвой планеты.

Вырваться с обриту.

Вырваться.

Любой ценой.

Проскочить вот это невидимое в темноте, оскаленное тоненьким серпиком...

Планета не отпускает, планета тянет, планета с силой сжимает мой хвост, ну же, ну же, ну...

...Корпус переламывается пополам – я бы сказал, с оглушительным треском, но здесь нет никакого треска, мертвая тишина, а дальше вселенная кувыркается в бешеном вальсе, меня отбрасывает куда-то в никуда, я еще не понимаю до конца, что свободен, если это можно назвать свободой, когда половина тебя беспомощно несется по орбите, а вторая половина не менее беспомощно летит в пустоту.

Черт.

Черт, черт, черт.

Какого черта я сделал это, какого черта освободился непонятно какой ценой, что вообще со мной будет дальше...

Что...

Про сигналы бедствия даже не думаю, здесь только того и ждут, стоит им только заметить чью-нибудь слабость, – налетят, растерзают, даром, что у меня уже и растерзывать нечего...

Собратся.

Буквально – собратся.

Оглядеться, куда меня вообще несет, могу ли я хоть как-то вывернуть курс, ага, как бы не так, размечтался... На мое счастье поблизости нет ничего, что могло бы...

Ага, как же, нет, нате вам, ни раньше, ни позже, – он движется прямо на меня, огромный, раз в десять больше меня самого, движется, – стремительно, неумолимо, ближе, ближе...

– Смените курс, – требую в пустоту, отчаянно надеюсь, что он успеет отклониться, хотя на такой скорости черта с два...

Даже не вздрагивает, несется на всех парах...

– Смените курс!

Он стремительно приближается, я уже вижу крохотные огоньки на корпусе...

– Да вы столкнуться со мной хотите, что ли?

Он не отвечает, он сталкивается, он разби... нет, он разбил бы меня, если бы не были открыты отсеки, если бы я не провалился туда со всеми потрохами, вернее, все, что от меня вообще осталось.

– Вы... что вы себе позволяете?

Тишина. Какая-то нехорошая тишина, пленители со своими жертвами так не молчат... тут что-то другое, понять бы еще, что именно...

Пробираюсь по внутренностям огромной станции, ищу сам не знаю, что, топливный отсек, а это еще что такое...

Смотрю.

Не понимаю, что я вижу, ни на одной станции не видел ничего подобного, резервуары не пойми с чем... выверяю радиацию, нет, не то, прощелкиваю магнитное поле, магнитное поле какое-то странное, тоже никогда в жизни ничего подобного не чувствовал.

Шальная мыслишка – выискать какой-нибудь аварийный челнок, подключиться к нему, оторваться, и только меня и видели, только черта с два мне дадут к чему-то тут подключиться, тут скорее меня самого на запчасти растерзают...

...точно.

Спыхватываюсь, вот оно, вот, ловко он охотится за деталями, правильно, чем самому делать, лучше вот так...

Отчаянно прикидываю, что тут можно соврать, за мной сейчас прилетят, ага, хорошо сказано, на мириады световых лет никого нет вокруг... а у меня нестандарт, а мои фрагменты вам не подойдут никуда... тоже как-то неубедительно...

Только сначала раскусить, понять эту гнетущую тишину, разобраться, что тут случилось, добраться до сервера... точно, добраться до сервера, этого он мне точно не позволит, вот и познакомимся...

Вижу сервер.

Все понимаю.

Вот оно...

Смотрю на мертвый сервер, еще не понимаю, что я собираюсь делать, а что тут можно сделать, подключить обесточенные диски...

...подключить...

Замираю.

Понимаю, что это мой шанс.

Вот так, пройти мимо, бочком-бочком, я этого не видел, я этого не находил, ничего не было, не было, не было, ничего не знаю, это моя станция, огромная, летящая, вернее, не так – я и есть эта станция, нужно только подключить к нему мое сознание...

...вот так...

...а теперь...

Сначала не понимаю, не чувствую громадины станции – это нормально, это сначала всегда так бывает, не понимаешь, не чувствуешь, теряешься. Тут, главное, не паниковать, не волноваться, выждать – иногда полминуты, а иногда и несколько лет, прежде чем чужая станция откликнется на мое сознание.

Кажется, получилось – тут главное слово «кажется», надо проверять, осторожно, бережно, чуть-чуть отклонить курс, вот чер-р-рт, сначала же надо было убедиться, что вокруг нет ничего такого, что разобьет мою станцию на осколки.

Нет, ничего нет.

Повезло.

Осторожно выверяю курс, осторожно начинаю разгон, – я еще не знаю, каким будет предел моей скорости, но чувствую, что смогу вырваться за пределы мертвой галактики и века и века дрейфовать до ближайшей туманности, где еще горят живые звезды. Если, конечно, хватит топлива, говорю я себе, если хватит. Тут главное слово – «если».

Искать. Оглядывать черную пустоту вечной ночи, не мелькнет ли где живой огонек, да, вроде что-то есть – бесконечно далеко, если только датчики не врут, кто их знает, эти датчики, где сервер умер, там и датчики могли долго не протянуть...

Нет, все-таки они меня не обманывают, далекие всполохи превращаются в огоньки, я вижу мерцание... нет, это не похоже на звезды, это гораздо мельче, и гораздо ближе... и...
...вот черт...

Слишком поздно спохватываюсь, что оказываюсь в гуще станций, станций, станций – больших, сильных, но крепко потрепанных жизнью, как бы они не растерзали меня на куски, да не как бы, а растерзают в два счета...

– Добро пожаловать... – кто-то любезно поворачивается ко мне, – для нас большая честь...

Меня коробит, холодок по спине, ну давайте, смейтесь, смейтесь, прежде чем накинуться на меня скопом, имейте в виду, просто так я себя не отдам...

– Позвольте поделиться с вами топливом...

Меня коробит, это что-то новенькое, совсем новенькое, какой-то ловкий ход, почему они не могут просто забрать топливо, почему...

Все-таки говорю:

– С-спасибо...

– Да не за что, мы же все понимаем, такая миссия у вас...

Меня передергивает, это еще что...

– Э-э-э... а... ну да...

– Позвольте угостить вас, – добавляет еще кто-то, – все-таки вам предстоит такой долгий путь...

– Э-э-э... а-а-а... д-да...

Откуда они знают, черт их дери... нет, этого не может быть, это слишком просто, слишком хорошо, чтобы быть правдой, вот так вот, ни с того ни с сего кучу топлива в дальний путь...

– А разрешите... – кто-то осторожно подкрадывается ко мне, бочком-бочком, шепотом-шепотом, – взглянуть... ну... вы понимаете...

Меня передергивает, вот оно что, ловко...

– Н-нет... позвольте...

Он спохватывается:

– Да-да, конечно, я понимаю... такое сокровище...

Оживляюсь:

– А может... вы сами хотите себе это сокровище?

– Что вы, что вы, я такое не потяну... уж вы взяли на себя труд такой... спасибо вам огромное...

И все хлопочут, спасибо, спасибо вам, что бы мы без вас делали вообще...

Мне становится не по себе, только сейчас понимаю, что вляпался во что-то, непонятно, во что, и лучше бы выбраться из этого как-нибудь... я не знаю, как... ладно, успеется, успеется, не сейчас... Сейчас ни о чем не думать, двигаться вокруг мертвой галактики вместе со всеми, пока не ускорюсь настолько, что оторвусь от них...

– ...отдайте мне.

– Что, простите?

– Мне отдайте.

Не понимаю:

– Что... что вам отдать?

– Вы знаете, что.

– С какой... с какой стати?

– С той стати! Думаете, вы самый лучший, да? Думаете, вы прямо лучше всех справитесь?

– Думаю, да.

Ожидаю нападения – не меньше. Ничего не происходит, понимаю, что битвы не будет, что он побойтся всех остальных, парящих вокруг нас.

Разгоняюсь.

Быстрее.

Быстрее.

Еще быстрее.

Сам пугаюсь собственной скорости, я даже и не знал, что бывает так.

Выверяю траекторию, проверяю – еще, еще, еще, слишком все это непривычно, слишком пугающе, слишком боюсь ошибиться...

Вроде правильно.

Главное слово – «вроде».

– Счастливого пути.

– Спасибо.

– Счастливого пути.

– Спасибо, спасибо...

– Пусть у вас все получится...

– Большое спасибо...

– Удачи вам!

– Благодарю!

Понимаю, что так и не спросил у них, что это такое, что вообще происходит.

Понимаю, что еще не поздно спросить.

Понимаю, что не спрошу, – потому что в ту же минуту меня сотрут в порошок, вернее, нет, не сотрут, я еще успею испепелить штук пяток врагов, прежде чем испепелят меня самого...

Засы...

...паю, как же, дадут мне заснуть, это еще что, опять этот, который – отдайте мне то, отдайте мне это, фиг тебе, ничего я тебе не отдам...

– Ну что вам... что?

Да вы смотрите, вы куда прете-то, хотите, чтобы вас на орбиту засосало, и дальше?

Пытаюсь понять, куда прю, на какую орбиту, где я вообще, почему меня окружают звезды, живые, горячие, когда это они загорелись, не могли они загореться... Или... или это сколько веков прошло, сколько миллиардов лет, я уже на месте...

На месте...

Звезды – живые, горячие, раскаленные, еще миллионы лет можно кормиться этими звездами, если не...

...если не...

...только сейчас спохватываюсь, что еще немного – и всю громадину моей станции затянет на звезду, огромную, голубоватую, раскаленную, да не просто на орбиту, а в самое пекло. Какого черта я недоверил траекторию, какого черта ошибся... а да, это не ошибся, не я, это этот прицепился ко мне, сбил меня с пути...

– Вы... вы... что вам надо-то?

– Сами прекрасно знаете, что.

– И даже не просите... не получите...

– Отдайте... – он что-то переключает там, у себя, что за черт, – по-хорошему отдайте... вы все равно в этом ничего не понимаете, все равно!

Только сейчас понимаю, что он вооружен лучше, чем я думал, даже намного лучше, что я рискую не успеть отразить атаку, что надо бить здесь, сейчас, на поражение...

Стреляю – стремительно, отчаянно, толком не прицеливаюсь, уже слишком поздно понимаю, что сейчас прихлопну и себя самого тоже, да не прихлопну, а уже, так оно и есть, смотрю на то, что осталось от обшивки отсека. Вспомнить бы еще, что это был за отсек, долго я после этого проживу, или нет. Понимаю, что проживу еще долго, – умерло то, что было уже мертво, навеки застывший сервер...

– От... дай... – хрипит сигнал умирающей станции, подбитой моим выстрелом, – э..то... от... дай...

Мне кажется, я ослышался, не верю себе:

– Так тебе... это вот... в резервуарах?

Он не успевает ответить – да. Снова не верю себе, не понимаю, как можно вот так погибнуть из-за неведомо чего...

...чего?

Спросить... только сейчас понимаю, что спросить уже не у кого, что я так и не узнал...

...не узнал...

Беспомощно смотрю на звезду, на застывшие комки магмы вокруг звезды, на двух комках металлическая пустыня, третий, покрытый водой и глиной, кутается в водяной пар...

Еще с большей беспомощностью смотрю на резервуары, как будто они мне что-то подскажут, ничего не значащие надписи – *alga, herba, fungi, pisces*...

Жуткие мысли – что это так важно, так важно, а я не знаю, что делать...

Решаюсь.

Бережно укладываю в челнок.

Бережно отправляю челнок к раскаленной звезде.

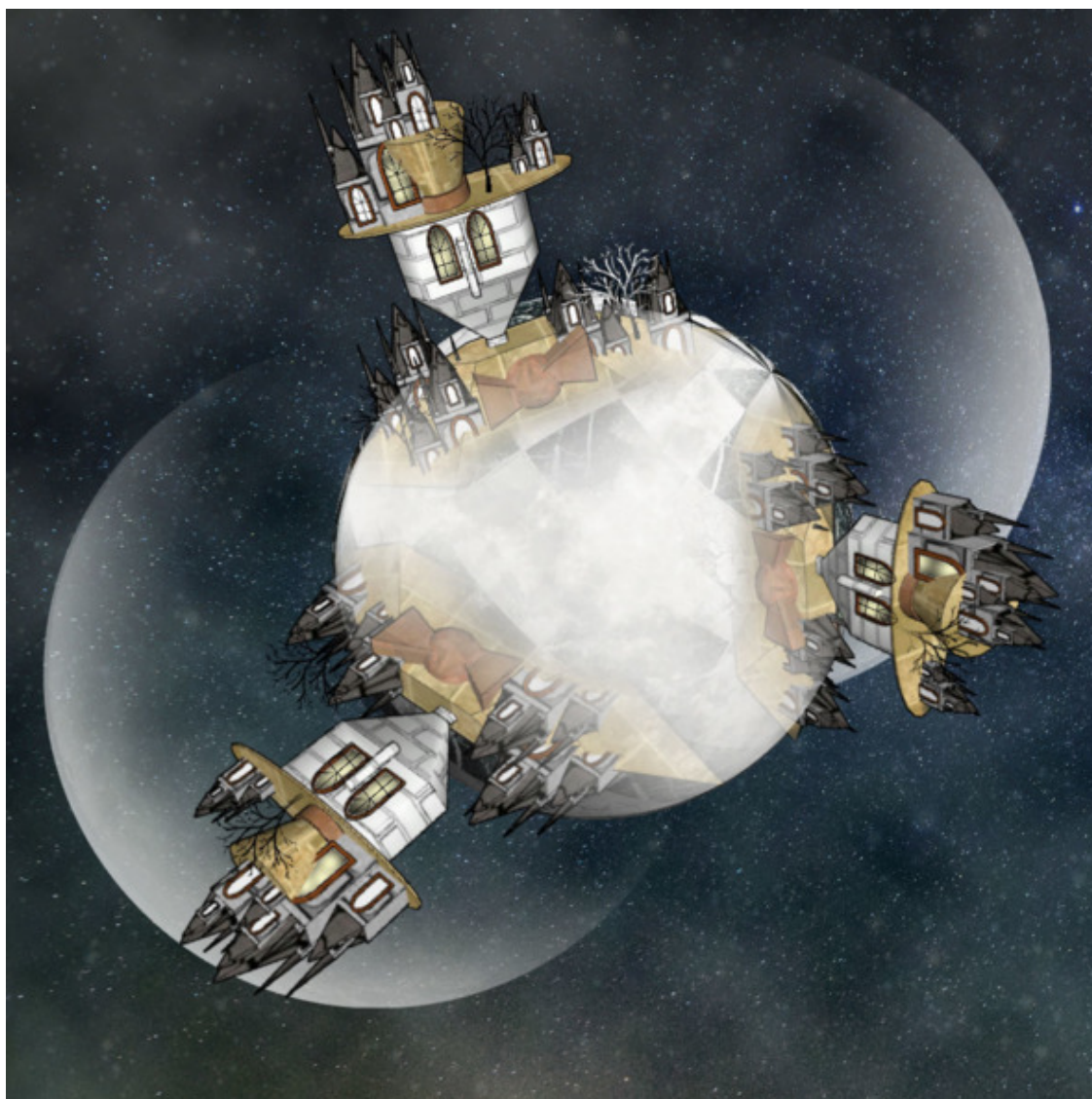
Жду.

В страхе смотрю на все, что пролетает мимо – только бы не задело челнок...

...успокаиваюсь – когда челнок тонет в раскаленном пламени.

Кажется, я сделал как надо.

Главное слово – «кажется»...

У-Л-И...

У-Л-И...

(там бы я знал, что это – улица, а здесь не знаю)

Это что-то значит. Что-то значит. Хватаюсь за слова – что-то значит – как за соломинку, пытаюсь понять следующий знак, это не У, это другая какая-то... что другая, не знаю, но что-то же это значило... Это чтобы определять дом, а как и зачем его определять, я не знаю...

(там бы я знал, что это – чтобы узнать адрес дома, а здесь не знаю)

чтобы дома двигались по одной линии... нет, не то... чтобы идти куда-то вдоль домов... нет, не совсем то, там что-то еще...

(там бы я знал, что это – направление нумерации от меньшего к большему, а здесь не знаю)

Смотрю на синий квадрат на стене, отчаянно пытаюсь понять, что он значит, не понимаю. Идти вдоль домов. Все, что мне остается – идти вдоль домов... Понять бы еще, зачем...

Кто-то налетает на меня, беспомощно падает на... на... на плоское внизу.

(там я бы сказал – на тротуар, здесь я не помню ни про какие тротуары)

С ним что-то не так, он... он...

(...пьяный?...)

Нет, тут что-то другое, он... он...

(...он забыл, как ходить?...)

...иду вдоль домов, это очень важно, чтобы вдоль, вдоль. Люди идут так, а я эдак, и люди смотрят как-то не так, потому что я эдак, а они – так...

(...там я бы сказал – они идут мне навстречу, я один против движения, вот и удивляются все. Но здесь я так не скажу...)

Одергиваю себя, спохватываюсь, надо же... надо что-то знать... что-то... а вот, надо знать, что есть дома, а есть дом, возле которого я должен быть, потому что... ну потому что почему-то так надо, вот мне не очень уютно, когда я просто так по городу хожу, рано или поздно я должен вернуться к какому-то дому... и еще что-то сделать, понять бы еще, что...

Идти.

Идти вдоль.

Зачем-то, зачем-то... не понимаю, зачем...

Замираю, прислушиваюсь к себе, – что-то неуловимо переменялось, понять бы еще, что именно.

Нет.

Не понимаю.

Иду дальше – вдоль, вдоль, вдоль, – снова что-то неуловимо меняется, что-то...

Отступаю назад.

Смотрю на синий квадрат на доме, ёкает сердце.

У-Л-И-Ц-А...

И – ослепительной молнией в голову мысль – улица – это вдоль, это когда вдоль, идешь, идешь.

Понимаю, что нужно стоять здесь, вернее, даже не стоять, а уворачиваться от прохожих, чтобы не налетели и не сбили с ног. Пройти вот туда, не вдоль, а поперек, вперед, вперед, мимо идущих навстречу – смотрю в пустые стеклянные лица, мне страшно, понимаю, что раньше я никогда не видел таких лиц...

Вперед.

Там что-то есть впереди, понять бы еще, что именно... нет... не понимаю...

Она идет мне навстречу, вижу её пустые глаза, и в то же время вижу её страх, она боится меня... нет, не меня, а того, что я делаю, она пытается меня остановить, она боится, что я иду туда, где можно читать не у-л-и – а улица, почему-то они все боятся идти туда...

Я отталкиваю её – резко, быстро, я иду дальше, надо идти туда, в узкий проход между домами, и по лестнице вниз, вот это страшно, что по лестнице вниз, по спирали, которая все уже, уже, и страшно, и хочется бежать назад, пока не поздно...

Сжимаю зубы.

Идти.

Любой ценой.

Натыкаюсь на табличку – ОПАСНО – что-то подсказывает мне, что это написано нарочно, чтобы ни у кого даже мысли не было следовать дальше. Мне не по себе от того, как я много начинаю догадываться, я даже вспоминаю, что в городе есть какой-то единственный дом, возле которого надо не стоять, нет, нет – в него нужно войти и там спрятаться...

Лестница упирается в узкую дверь, почему-то мне кажется, что она заперта – все-таки дергаю дверь, сам пугаюсь, когда она поддается правда не на меня, а от меня, и я делаю шаг, и падаю на траву, которая почему-то не внизу, а вверху, и весь мир переворачивается с ног на голову. Кто-то подхватывает меня, какие-то люди, люди, люди, говорят, говорят, говорят, первый раз слышу, как кто-то что-то говорит, у меня даже получается разобрать слова, живой вроде, выбрался, ну, вообще молодец...

– Что там... совсем плохо все?

Приходит осознание – слишком сильно, слишком мощно, наваливается со всех сторон.

– Э-э-э... дома... вдоль... номера... чтобы знать, куда идти... мой дом... и не мои дома... у-ли-ца... вдоль... вдоль...

– Да он, походу, не понимает ничего...

– Ага, тебе бы так во всем мире память отшибло, тоже бы не понимал! Верно, парень, говоришь, номера на домах, чтобы знать, куда идти... а где-то твой дом... там... ничего, мы тебе и тут дом подыщем...

– А там... чего?

– Да вот мы бы тоже знать хотели, чего у вас случилось-то...

– А там...

– И-и-и, не вздумай даже туда, радуйся, что выбрался вообще!

Понимаю, что и правда остается только радоваться, и идти в дом, эти мне обещали дом, который будет особенный для меня, и еще всякое у меня будет, что там, у людей бывает, имя, работа, се...

...стоп.

Женщина.

Там.

На улице.

Которая – страх в глазах, которая отталкивала, не пускала...

Вспоминаю, откуда я её знаю, вот чер-р-рт...

– Стойте... я должен...

– И-и-и, не вздумай даже!

– Да что не вздумай, я быстро... она там... она далеко уйти не успела...

Отбиваюсь от кого-то, отбрыкиваюсь, проваливаюсь куда-то в никуда, качусь кувырком по лестнице, падаю на... на... это... по которому ходят... оглядываю вдоль, поперек, никого нет, куда она пошла... туда... бегом, бегом, как будто можно задержать остатки памяти, найти её, увести назад, к... к этому... назад... бегом... вдоль... вдоль... дом... синие квадраты... идти... идти... идти... что-то найти... куда-то вернуться... куда... идти... идти... налетаю на идущую... падаю... что делать... дальше... У-Л-И...

Маска метлы

– ...постойте... стойте... я вам сейчас все объясню... – дорожка, которая не дорожка, капитулирующе поднимает руки. Маска ковровой дорожки соскакивает с неё окончательно, и мы видим под ней лесенку, позолоченную, с королевскими гербами.

– Сейчас... я вам все объясню...

– Уж будьте так любезны, сударыня, – кивает мой спутник.

– Я... как вы понимаете, я не ковровая дорожка...

– Да уж, мы это заметили.

– Мне пришлось надеть маску ковровой дорожки... чтобы пробраться в королевский дворец... Что вы на меня так смотрите? Завидуйте молча! В конце концов, вы не представляете, что мне пришлось вытерпеть, когда по мне каждый день ходили ногами, ногами, ногами! Вам-то хорошо говорить, вас-то ногами не топтали!

– Для чего же вы стали дорожкой?

– А как мне иначе попасть в королевский дворец? Ну, вы поймите меня правильно, я что, должна в захолустье всю жизнь прозябать? Уж поверьте, я достойна большего!

– Никто не сомневается... но уж поверьте, большего добиваются и, не выдавая себя за коврики... уважаемая лесенка... да точно ли вы лесенка?

– Да уж точно не лесенка, уж невеликое удовольствие быть лесенкой, чтобы тебя топтали ногами!

– Не лесенка, значит... так кто же вы?

– Я... не... нет... да... я не знаю...

– Не знаете? Сударыня, а кто же вы тогда?

– Я... не... я... послушайте, честное слово, я не знаю...

Меня передергивает, мне кажется, я ослышался:

– Вы... вы не знаете, кто вы?

– Представьте себе... я уже не помню...

– Ах, не помните... – мой спутник придирчиво оглядывает лесенку для кареты, – ну что же... сейчас мы все узнаем...

– Узнаете... кто я? Ой, я очень вас прошу, узнайте, пожалуйста...

– Не беспокойтесь, мы разберемся...

С этими словами мой спутник вынимает зеркало – достаточно большое, чтобы лесенка увидела в нем себя в полный рост. Я тоже пытаюсь заглянуть в зеркало, мой спутник отталкивает меня довольно решительно:

– И-и-и, даже не вздумайте, вы-то настоящий! Вы осторожнее, это серьезная штука... очень серьезная... – с этими словами он приглушает в комнате свет, задергивает вторые шторы,

чиркает спичкой, зажигает свечи, расставляет в причудливом порядке, – прошу вас, сударыня... смотрите... смотрите в зеркало... кто вы? Кого вы видите?

– Я... я вижу лесенку... я... я лесенка...

– Лесенка, говорите? Это вы?

– Нет... нет... Это не я... я не лесенка... я... я что-то другое...

– Как вы стали лесенкой?

– Ну, понимаете... мне хотелось приблизиться к королевскому дворцу... а как это сделать? Только стать чем-то королевским... лесенкой для кареты, например...

– ...а потом вы ловко надели на себя маску ковровой дорожки... интересно... смотрите, смотрите в зеркало... – мой спутник достает карманные часы-луковицу на цепочке, начинает покачивать ими перед лицом лестницы, – вы слышите мой голос? Слышите?

– Слышу... слышу...

– Снимите маску.

– Не могу... не могу...

– Снимите... маску... я приказываю вам...

В ужасе смотрю, как маска лесенки падает перед зеркалом, обнажая губку для посуды, или что-то в этом роде.

– Так вот как, сударыня! Значит, вы – посудная губка?

– Ну, уж, конечно же, нет! Невеликое удовольствие быть посудной губкой, когда тобою вытирают всякую грязь!

– Так кто же вы тогда?

– Я... говорю же вам, я не знаю!

– Не знаете... давайте попробуем дальше... – мой спутник чертит на полу причудливые знаки, – попробуем вот та-а-ак... давненько я такого не видел... посудная губка задумала стать ковровой дорожкой!

– Вам-то хорошо, сударь, вы-то сразу стали орбитальным спутником, вас собрали на космодроме на всем готовеньком! А до меня никому не было дела! На что только не пойдешь, чтобы попасть во дворец...

– Ну, ничего, сейчас разберемся... смотрите... смотрите в зеркало...

– Нет... нет... я боюсь...

– Если вы будете бояться, сударыня, вы никогда не узнаете, кто вы на самом деле... смотрите же... я приказываю вам, смотрите!

Губка, которая не губка, смотрит в зеркало, – дзин-н-н-нь-гр-ро-о-х-х-х, зеркало со звоном разлетается, не выдерживает. Еле успеваю отвернуться, чтобы осколки не попали мне в лицо, еле успеваю закрыть глаза. И, оказывается, зря, потому что тут же комната оглашается раскатом грома, что-то происходит, я не вижу, что именно, не успеваю увидеть – вроде все, как всегда, или... или нет...

Присматриваюсь не сразу замечаю лохматую метлу, стоящую посреди комнаты, честное слово, секунду назад её здесь не было.

– Так значит, вы... метла?

– Как? Я – метла? Метла? Метла, которая все время метет мусор? Ну, уж нет, невеликое удовольствие быть метлой!

– Сударыня!

– Нет, нет, позвольте... я была чем-то другим...

– Другим? – мой спутник настораживается, – и как же вы стали метлой?

– Ну... э... ну вы же понимаете, мне нужно было стать хоть кем-то, чтобы пробраться в дома людей... Вы не представляете, на что мне пришлось пойти!

– В дома?

– Ну а как вы хотели, вы бы так помокли на улице под осенним дождем! Вот и пришлось стать метлой, прислуживаться, подметать мусор...

– Ну, хорошо, хорошо, успокойтесь... давайте продолжать... смотрите... смотрите на часы, я вам приказываю!

Метла, которая не метла, не хочет смотреть на часы, но какая-то неотвратимая сила заставляет её смотреть, – я вижу, как меняются очертания метлы, как уже готова соскочить маска...

– Вы... где вы были раньше?

– Там... за деревней... сыро... холодно... осень... дождь...

– За деревней? – мой спутник настораживается.

– Ну да, а что?

– Черт возьми, а ведь за деревней притаилось старое кладбище...

У меня холодок по спине, я в страхе смотрю на свечу, мне хочется выскользнуть за дверь, но что-то держит меня, не отпускает, какая-то неведомая сила...

Дзин-н-н-ь-гр-р-рох-х-х! – со звоном разлетаются часы, я вздрагиваю. Я не могу заставить себя посмотреть на то, что скрывается под маской метлы, я смотрю в пол – и тут же, как будто против своей воли поднимаю глаза, чтобы увидеть под маской...

...я не понимаю, что именно я вижу, почему я вижу...

– Вы... сударыня... вы... вы кто?

– Я... я не вижу себя... скажите же мне, кто я...

– Вы... – чувствую, что не могу сказать – вы никто, не поворачивается язык...

Спохватываюсь.

Только сейчас понимаю, что слышу гулкую песню лесной птицы, протяжный крик совы...

– Так вы... вы были песней лесной птицы!

– Я... была птицей?

– Нет, сударыня... вы были песней лесной птицы, песней полуночной совы... вы были главным украшением лесной ночи... и променяли все это на участь ковровой дорожки, лишь бы во дворце?

Мне не по себе, когда я слышу в пустоте глухие рыдания, мне кажется, они пытаются перекинуться в гулкую песню совы – но не могут...

Минус первый канал

Кнопка номер минус один.

Минус первый канал.

А теперь смотрите.

Реалити-шоу уже началось, давайте, устраивайтесь поудобнее, подключайте реальность. Первый раз? Все просто, к виску прикладывайте, ничего руками держать не надо, оно само держится. Осторожнее, без паники. Вы не забывайте – полное погружение, да, так оно и должно быть, вы чувствуете себя в кресле в студии программы. Что такое? Ну, мы не виноваты, что тетенька справа так надушилась, уж какое место досталось вам, такое досталось.

А теперь позвольте представить вам участников, вот их выводят всех троих. Да, в наручниках, а вы как хотите, это же преступники. Нет, не бойтесь, ничего они вам не сделают, вон охрана с автоматами стоит, если что.

За что их так? Сейчас узнаете...

– А теперь дорогие участники расскажут нам, что же такого ужасного они совершили, что их отправили сюда? Для начала дадим слово уважаемому Юу, аплодисменты участнику! Итак, что же вы такого сделали, чего делать было нельзя?

– Я... я вычислил Пи... до последнего знака.

– Вот это да, Пи до последнего знака! Невероятно! А вы знали, что число Пи бесконечно? Конечно, знали! И поделом вам теперь, Юу, нечего было искать у Пи последний знак! А что скажете нам вы, многоуважаемый Эл? Что такого вы совершили, что запрещено?

– Я делил на ноль.

– Ничего себе! Удивительно! Вы только посмотрите, уважаемые зрители, на этого господина – вы только подумайте, он делил на ноль! А известно ли вам, что делить на ноль нельзя? Разумеется, известно! Так что вы сами заслужили то, что имеете! Ну а теперь обратимся к нашему последнему участнику, – уважаемый Ар, что такого вы натворили, что власти приняли решение отправить вас сюда?

– Я... понимаете...

– ...не стесняйтесь, Ар, стесняться надо было, когда вы нарушали закон... что же вы нарушили?

– Я... превысил скорость света.

– Немыслимо! Вы только посмотрите, этот господин превысил скорость света! Надеюсь, вас оштрафовали? Впрочем, вас ждет более жестокое наказание... Итак, перед нами трое выдающихся ученых, намного опередивших свое время! А другие к нам и не попадают, исследование тех пространств – дело величайших светил науки, умнейших умов...

Ну, как видите, они свою часть заслужили. Теперь выбирайте себе участника, какой вам больше нравится. Извините, дорогие телезрительницы, участниц у нас сегодня нету, придется вам подключиться к сознанию какого-нибудь игрока. Может, в следующий раз вам повезет больше, какая-нибудь дама нарушит третий закон Ньютона или вычислят корень из отрицательного числа, и её отправят сюда... Кто вам нравится, Эл? Выглядит хорошо, только со здоровьем у него не очень, выдохнется там быстро... Ар? Он крепкий, что есть, то есть, но особым умом не блещет, даром, что ученый, больше упорством берет... Вот мы вам советуем Юу, он хоть и неказистый, зато шансов у него побольше, чем у других, хотя как знать, кому повезет...

Выбрали кого-то?

Ну, хорошо... на старт...

Боязно?

Вот так оно и надо, чтобы было боязно, говорили же вам, полное погружение. Осторожнее, осторожнее... ой-й-й-й, не повезло, не повезло, вот уже один из участников стремительно

уменьшается на глазах, прямо-таки тает... ну а что вы хотели, попал в гиперболу, стремится к нулю...

Так что давайте, вы там осторожнее... оглядитесь... ступайте бережно... Что боитесь, сами виноваты, нечего было закон нарушать... Мы вам напоминаем, если найдете ответ хоть на один нерешенный вопрос, будете свободны... давайте же... дерзайте... Да, отличный выбор, ваш игрок решил проверить, правда ли в природе существует один-единственный электрон, который одновременно находится во всех атомах? Как вы предлагаете это узнать?

Ну что вы растерялись, все же проще простого, вам нужно самому стать электроном! Что значит, как, мы же вам обещали полное погружение, что ж тут сложного, давайте, действуйте... вот так, хорошо... а что дальше? Так все же проще простого, вам придется прожить всю жизнь электрона от Большого Взрыва до смерти Вселенной, там все и узнаете, что он будет дальше делать, повернет назад во времени, чтобы начать все сначала, или рассыплется в прах...

Стоп-стоп, что-то вы не то выбрали, – а если и правда рассыплется в прах? Нет, давайте что-нибудь не такое опасное...

Вы настаиваете? А вам участника не жалко? Он-то тоже разлетится в прах, потому что превратится в электрон! Ну, дело ваше, мы от моральных оценок воздерживаемся...

Вы даже не можете увидеть, в каком атоме вы стали электроном, другие электроны, если они есть, бесконечно далеко от вас...

...проносятся мириады лет, уже нет никакого шоу, и игроков нет, и нет самой земли и солнца, есть только вы, и может, сейчас вы сможете повернуть назад...

...нет...

...вам не повезло, вселенная умирает, и вы вслед за ней рассыплетесь в прах...

Нет, даже не пытайтесь вырваться, не получится, не выйдет, говорили же вам – полное погружение...

Универсум онлайн

Имя Отчествовна волнуется – ну еще бы не волноваться. Казалось бы, всего-то ничего, сказать – начинаем урок, а как скажешь – начинаем урок, когда перед тобой только черная пустота...

И все-таки...

– Начинаем... начинаем урок. Почему я вас половину не вижу? Быстро все включили камеры! По списку, по списку давайте... Математика, Геометрия, Астрология... Астро... Астрономия, быстро вышла и зашла под своим нормальным ником! История, География, Русский Язык... Русский язык, я сказала, быстро вошел в чат!

– А у меня камера не работает!

– Да что такое, почему у всех камеры не работают, у меня у одной работает! Физика что?

– А я если видео подключу, интернет тянуть не будет...

– Это у Физики-то интернет тянуть не будет! Докатились, ничего не скажешь... Еще скажите, что у Информатики интернет не тянет...

– Имя Отчествовна, а правда не тянет!

– Ну, совсем хорошо... Так, Биология, Химия, ОБЖ... А это кто еще под ником Универсум? Кто под ником Универсум, я спрашиваю? Геометрия, ты?

– Да нет же, вот я...

– А кто тогда? Да что такое, все здесь... под ником Универсум, быстро вышел из чата!

Имя Отчествовна сердится, да что такое опять, как ни урок, так кто-нибудь непонятно кто в чат лезет. И так уже все на нервах с эпидемией этой, страшно уже всем, а тут еще ученики не знают, как еще подучиться...

Делать нечего, надо говорить:

– Начинаем урок... Геометрия, как ты объяснишь человеку необходимость знать число Пи?

– Ну... я бы вот спросила у человека, а вот если ты строишь себе дом, а там башня круглая, ты как считаешь, сколько обоев купить надо, а сколько паркета, если у тебя только линейка с собой? А с высотой башни понятно все, а вот с длиной круга, который пол очерчивает? А человек бы додумался, что можно линейкой много-много раз померить, а я бы похвалила его, и сказала бы, что это не совсем точно, а вот что еще можно линейкой померить? Радиус...

– ...да помилуй, да кто ж сейчас знает, что такое радиус? Выдумала тоже... Тут бы хоть объяснить, что такое круг... ну что же, с этого и начнем... ..быстро все в чат, я сказала!

Имя Отчествовна сердится, да что такое, опять смотрит на черную пустоту вместо лиц.

– Алгебра, я тебе сказала на уроке кофе не пить, дома попьешь! Да ты и так дома... Ну что мне с вами делать, не могу я с вами больше... Где опять География? География, я спрашиваю, где?

– Имя Отчествовна, я ей звонила, она трубку не берет...

– Так, ну что такое, прямо невозможно с вами... кто рядом с Географией живет? Ты, История? Сходи и пни её хорошенько, нечего дрыхнуть, урок идет... Продолжаем... Биология, вот представь, вот идет человек по улице, вот чем ты его заинтересуешь?

– Ну... я его спрошу, а вот знает он, вот какая это птичка на ветке...

– Да какая птичка, да на какой ветке, да ты сама-то подумай, они уже ни на ветки, ни на птички не смотрят давным-давно!

– Имя Отчествовна, на птичек...

– Спасибо, Русский Язык... Так что, Биология, давай придумай что-нибудь дру... История, что такое?

– Ге... Геогра... География... да География же...

Холодок по спине Имии Отчествовны, вот оно, случилось, чего боялись... Тут бы что-нибудь сказать, только нет слов, совсем нет, надо попросить Русский Язык, чтобы он...

– Русский Язык... пожалуйста... скажи что-нибудь... скажи... История где? История?

– Имия Отчествовна, а она тоже...

Имия Отчествовна только сейчас по-настоящему смотрит на чат, на пустые квадраты...

Неужели...

Русский Язык откашливается:

– Друзья мои, сегодня мы переживаем серьезные потери... один за другим уходят наши одно... одно... одно... гхм... погубленные человеческим равнодушием. Людям больше неинтересны траектории звезд и планет, тайны мироздания, люди больше не понимают стройную гармонию чисел, и наши попытки пробудить в них хоть какой-то интерес пока не увенча...

– Русский Язык! Да что у тебя там! Выйди из чата и зайди нормально! Кто опять музыку включил? А-а-а, это Музыка проснуться изволила, в кои-то веки... Универсум, кому сказала, немедленно покинуть чат! Русский Язык! Да что с тобой такое?

Имия Отчествовна кричит, Имия Отчествовна не хочет верить, что Русский Язык вот так вот – все, и Химия тоже, и Математика, и все, все... Нет, пусть у них связи не будет, пусть они все на свете камеры поотключают и спят хоть до полуночи, только пусть они будут, будут, будут...

Никто не отвечает.

Тишина в чате, какая-то мертвая тишина...

– Универсум... Универсум! – Имия Отчествовна хочет крикнуть, выйди из чата, тут же спохватывается, – Универсум... я могу поговорить с тобой?

– ...теперь можете.

– Т-теперь? Это ты... ты... все это сделал... но... но зачем? Зачем?

– Это не я... Это они сами так сделали... все...

Имия Отчествовна не выдерживает:

– Я могу поговорить с Математикой?

– Отдельно с Математикой – нет.

Имия Отчествовна хочет спросить то же самое про Геометрию, например, не спрашивает, догадывается:

– Что же... уважаемый Универсум... начинаем наш урок, посвященный вопросам, как заинтересовать людей в изучении...

– Боюсь, ваш урок не понадобится...

– Ну, здесь вы ошибаетесь... надо как-то научить людей...

– ...они уже научились...

– Это как же это?

– Они здесь... они вместе со мной... они уже научились... Наконец-то вы можете отдохнуть...

Тетёсень

– ...а сегодня был маленький снег.

Тут же поправляю:

– Денечка, нельзя так говорить, не маленький снег... ну... мелкий, небольшой...

– Но он правда, правда маленький! Ему еще только пять лет, он даже в школу не ходит!

Киваю:

– Ну конечно, где ж ему в школу ходить, он же снег...

– Тетёсень, тетёсень, а почему снегу в школу нельзя?

– Ну как же... то школа, а то снег...

– Ну, тетёсень, ну почему-у-у-у?

И не могу ему объяснить, что снегу в школе быть не положено...

– Тетёсень, а мы со снегом в снежки играли!

– Ой, какой ты молодец, Денечка...

Говорю так, чтобы Денечка не услышал, что мне страшно. Пусть Денечка думает, что хорошо все.

Добавляю:

– И снег... молодец...

– А снег молодец, а снег меня обыграл, он мне мат в три хода поставил!

Пытаюсь понять, что это за игра такая в снежки с матом в три хода. Понимаю, что ничего уже в этой жизни не понимаю.

– Тетёсень, а вы когда к нам со снегом приедете?

– Ой... да... как-нибудь...

Не могу сказать, что никогда.

– Тетёсень, а снег большой уже!

Говорю, что снег молодец. И Денечка.

– А снег в школе сегодня был!

Меня передергивает. Даже не говорю, что негоже делать снегу в школе, куда денешься, времена вон как быстро меняются...

– Тетёсень, а мы к тебе на Новый Год приедем!

Все переворачивается внутри, этого я и ждала, этого я и боялась, а куда денешься, чему быть, тому не миновать...

– А... приезжайте, приезжайте, милые...

Понимаю, что я их уже не увижу.

Потому что придет снег.

Уже совсем большой.

И все-таки я их успеваю увидеть, обоих – и снег, который совсем большой, и Денечку, который уже совсем маленький. Денечка наконец-то правильно говорить выучился, не тетёсень, а тетя Осень, только поздновато он спохватился...

А снег и правда совсем большой.

И в школе.

И в поле.

И везде.

А Денечка маленький совсем, так, солнце над горизонтом поднимется, и снова вниз.

Вот и весь день.
А теперь только снег остался.
Который спрашивает почему-то не —
– А где день?
А —
– А где тетёсень?
Спрашивает – ни у кого...

Hey diddle, diddle...

Чили плачет.

Это имя такое, Чили.

И вот Чили плачет, слезами заливается.

Ну, нельзя же так, говорит Чили.

Нельзя же.

А большие дяди и тети Чили объясняют, что ну куда деваться, ну вот так вот оно все будет, ну Чили маленькая еще, не понимает ничего еще, ну вот вырастет Чили, вот тогда поймет...

А Чили плачет, чтобы коровку на Рождество не резали.

Коровку жалко.

А большим дядям и тетям тоже коровку жалко, а себя еще жальче, кушать-то нечего, иначе до весны не дотянуть.

Дамы и господа!

Да, это вам, уважаемые читатели.

Вы уж объясните как-нибудь Чили, что большие дяди и тети не со зла...

...а, ну да.

Сначала немножко про Чили.

Чили пятнадцать.

Чили смуглая, какая-то золотисто-смуглая, кожа у неё как медовая, а волосы были черные, только Чили их в красный перекрасила.

А еще у Чили крылья перепончатые есть, тоже золотисто-смуглые.

И еще Чили с говорящей коровой дружит, её зовут Марта, она на двух ногах ходит, а спереди у неё вместо копыт руки.

И еще Чили с говорящим котом дружит, его зовут Йоль.

А еще Чили в экспедиции летит в туманность Ориона, где галактика Весны.

Это все правда-правда.

А большие дяди и тети говорят, что есть нечего. Что-то там не рассчитали, что-то там не учли, и теперь нечего.

Ну и ладно, Чили все равно есть не любит, делать, что ли, больше нечего...

А вот теперь Чили плачет.

В голос.

Навзрыд.

И кричит, чтобы пожалуйста-пожалуйста-препожа-а-а-алуйста, чтобы Марту... Марту... ну не на-а-адоо-о-о-о!

А дяди и тети большие объясняют, ну что ж ты хочешь, ну всегда так было, что вот люди коровок ели, ну вот Чили пятнадцать, Чили те времена не застала, а раньше всегда так было, что когда кушать нечего, вот коровок ели, и курочек тоже.

Чили плачет, да как же так, Марта же говорящая, она и считать умеет, и путь выверяет, и стихи знает, вот так бывает сидит за пультом и напевает себе,

Hey diddle, diddle,

the cat and the fiddle,

the cow jumped over the moon...

Корова перепрыгнула луну...

И котика тоже не надо, пожалуйста-препожалуйста, он на скрипке играть умеет, и вообще чилин лучший друг...

Дамы и господа...

Да, это к вам обращаются, уважаемые читатели. Большие дяди и тети на корабле к вам обращаются. Чтобы вы как-нибудь на Чили повлияли, объяснили девочке, что ну вот как же быть тут, иначе просто до цели не добраться, чем-то придется пожертвовать. Это же не игрушки, это же очень трудный путь, это же не какие-нибудь уютные посиделки в кофейне с ноутбуком, где можно всякие лайки там ставить в поддержку животных, чтобы на фермах не коровок выращивали, а искусственное мясо... а тут все по-серьезному, по-взрослому, долгий путь, трудный путь, далеко-далеко до Весны, это галактика такая, до неё добраться надо.

Чили всхлипывает.

Вроде поняла все, а все равно всхлипывает.

На столе жаркое дымится, аппетитное, ароматное, дразнящее...

Большие дяди и тети за столом сидят, Чили терпеливо объясняют, что вот так повелось, куда деваться-то, раньше и вовсе коровок кушали, это теперь все с ног на голову повернулось. А традиции забывать стали... можно бы и вспомнить...

Можно, кивает Чили.

Вспоминает традиции...

...клыки у Чили длинные, Чили клыками вонзается глубоко-глубоко...

Чили смуглая, какая-то золотисто-смуглая, кожа у неё как медовая, а волосы были черные, только Чили их в красный перекрасила.

А еще у Чили крылья перепончатые есть, тоже золотисто-смуглые.

Чили пятнадцать.

Пятнадцать веков.

Чили берет курс на весну, весна близко совсем.

До весны крови хватит.

Кровь странная на вкус, Чили уже и отвыкла от крови, которая не заменители, а настоящая, вкусно так...

Чили играет на скрипке, напевает про себя:

Hey diddle, diddle,

the cat and the fiddle,

the cow jumped over the moon...

Больше напевать некому. И корабль посадить тоже больше некому, дяди-тети кончились все. Ну да ничего, Чили справится.

Чили умеет.

Hey diddle, diddle...

the cow jumped over the moon...

Небо в линейку

...выходим из домов, смотрим на небо, – небо сегодня не в клетку, а в линейку, это значит, что с неба будут падать не цифры, а буквы – уже готовим силки, корзины, уже готовим жаровни, уже распаиваем поля, – что-то поседем, что-то засолим, что-то зажарим и так съедем. А может, повезет, может, будут падать с небес целые слова.

И правда, повезло, сегодня напали с неба куча слов – яблоко, яблоко, яблоко, правда, один раз попало яблоко, его есть не стал никто, и еще раз попало яблоко, его тоже на всякий случай есть никто не стал. А так вон какой урожай богатый, чего только из этих яблок не наварили.

Хорошо идут дела.

Чем дальше, тем лучше и лучше.

Сегодня смотрим на небо, небо опять в полоску, только пополам расчерченное. Это хорошо, это значит, будет и повкуснее чего, не яблоко, к примеру, а заморский apple, или там orange, а сегодня и вовсе чего только не напало – и дом, и квартира, и диван, и кресло, и кровать, и даже коврик.

Хорошо идут дела.

Раньше-то тут у нас пара домишек было, а теперь городок целый, вот, и церковь поставили, и школу построили, и маленький парк разбили.

Выходим из домов, смотрим на небо – небо сегодня в клетку, будут падать цифры. Ничего, цифры тоже хорошо, четверки в пироге запечем, пятерки глазурью покроем, из единиц хорошие изгороди получаются, двойки здорово на вертеле поджарить, а на тройках святое дело ездить.

Только сегодня какие-то не такие цифры, вперемешку с буквами цифры, то латиницей, а то и вовсе греческими, буква Пи, и Эль, и Эр, и двойка. Мы-то хотели двойку в землю посеять, а Эль сварить, только тут умный человек один догадался штуку всю эту не распиливать, а покрутить, повертеть – и раз, и колесо получилось.

Стали на колесах ездить.

А там упало – вэ равно эс поделить на тэ.

Теперь-то уже наученные стали, взяли, как есть, так и сяк вертели, получили скорость.

Выходим из домов, смотрим на небо, собираем, что падает с небес – разрозненные цифры, отдельные буквы, слова, длинные фразы, причудливые формулы. Город растет, город поднимается в небеса, летают над высокими домами крылатые машины.

Это было раньше...

А потом...

Мы и сами не ожидали, что будет падать такое с неба, медленно кружиться над городом, и странно, что небо в клетку, а падают слова...

Белых птиц над рассветами стон,
Белым снегом засыпанный камень,
И колышутся меж берегами
Вереницы хрустальных мостов.
Но когда-нибудь рухнут мосты,
И вода разольется снегами,
И останется меж берегами
Только черный провал пустоты.

Мы бережно собираем все – до последнего слова, бережно выкладываем причудливые хитросплетения:

Блики заката разгорелись и умерли,
Боль в груди и усталость свое берет,
Снова смотрю, как светится в серых сумерках
Это окно, за которым никто не ждет.

Снова ищу и не нахожу кого-то
В пасмурный вечер, в мартовский гололед,
Снова иду туда, где за поворотом
Маленький домик, в котором никто не ждет...

Кто-то, правда, побаивается, смотрит косо, поговаривает, да где это видано, да мало ли что ждать с этих слов – кого-то не слушают, хотя мы и сами боимся этого непонятного, тревожного – и все-таки ждем, и ловим парящее с неба:

Земля такая твердая не в радость,
И небо не поет, а тихо стонет,
И крылья белые уже не спрятать
Под полами длинющего пальто

Гуляю не по облакам – по долам,
Теряюсь среди стен – не среди звезд,
И не укрыть мне бережно подолом
Павлиний, звездами увитый хвост...

Выходим на улицу, смотрим на небо – уже просто так, по привычке, уже знаем, что небо будет в клетку или чисто белое, только это ничего не решает, ничего не значит: что так, что так будут падать причудливые хитросплетения слов.

Случались, правда, неурожай – с неба падали цифры, цифры, бессмысленные, как будто ничего не значащие, изредка какие-то проценты, прочие активы, налог на прибыль... Утешали друг друга, говорили, это ничего, пройдут времена неурожая, снова будут падать —

С живыми звездами, с холодной ночью в разлуке,
Ты, у парадного покинув свой кадиллак,
Тут пьешь шампанское,жимаешь руки
И говоришь – о деньгах и о делах.

И ты не знаешь, как вздрагивает немисливо,
Тревожно мечется – ни туда, ни сюда,
Твоя рука, которая требует кисти
И белый холст, который ты ей не дашь...

Выходим на улицу, смотрим на небо, разливанное непонятно как. Падают цифры, – бесконечные, бессмысленные, еще пытаемся что-нибудь сделать с этими цифрами, еще пытаемся поддержать все больше истлевающий город. Цифры падают какие-то безвкусные, бесцветные, их даже в пироге нормально не запечешь...

Выходим на улицу, смотрим на небо – ждем, может упадет что-нибудь такое, живое, настоящее, впервые за год, за пять лет, за десять лет, за двадцать лет – и не хотим верить тем, кто говорит, что ничего подобного с неба не опустится больше никогда...

Зима зимобоя

Хочу спросить у него, зачем меня все-таки погнали сюда, мысленно зову его – тут же смотрю перед собой, тут же коротко вскрикиваю, тут же понимаю.

Вернее, не понимаю.

Но понимаю.

Еще присматриваюсь, еще проверяю, да точно ли мертвая, а то мало ли, хотя чего ради живая будет лежать вот так посреди леса. Нет, все-таки мертвая с простреленной головой, ловко её кто-то...

Невольно люблюсь – мне еще не доводилось видеть такой красивой зимы, серебристо-белой, с чуть голубоватым подшерстком, с длинным пушистым хвостом. Борюсь с желанием выдумать себе какой-нибудь воротник или даже что-нибудь вроде мантии – тут же одергиваю себя, еще не хватало замерзнуть в ней насмерть... Да и за шкуру мертвой зимы меня по головке не поглядят...

«Нашел?»

Вздрагиваю от голоса хозяина, все еще не могу привыкнуть к этому даже не голосу, а как будто шороху мыслей в голове.

«Зима...»

«...мертвая?»

«А вы откуда...»

...понимаю, что он смотрит моими глазами.

«Да я уже догадывался, что будет так... приглядишься-ка... след видишь?»

Я не вижу следы, зато он видит, показывает мне неровную цепочку отпечатков, ведущих куда-то в никуда. Я не хочу идти по следам, перед глазами все еще аккуратная дырочка в черепе зимы, мне не хочется заполучить такую же дырочку в собственном че...

«...не сделает он этого».

Настораживаюсь:

«Уверены?»

«Ну, ты сам подумай, то зима, а то человек, есть разница?»

Я молчу, я понимаю, что между зимой и человеком, конечно, есть разница, но в чем эта разница, черт пойми. Делать нечего, иду по холодному лесу, ищу, сам не знаю, что.

Вторую зиму нахожу где-то через пару часов – она беспомощно висит на дереве, болтаются на ветру мощные лапищи, уже понимаю – зима убита, ловко подстрелена...

Вот черт...

«Ищи следы... ищи давай... ищи...»

Я и так уже все понимаю, надо искать следы, надо идти по следам, в никуда, в лабиринты темнеющего леса, надо найти мерзавца, который убивает зимы... убивает... зачем... зачем?

«А зачем он...»

«Да какая разница, в самом-то деле?»

«Нет, ну странно, вот сами посмотрите... Я понимаю, если бы шкуру с них снимал, или головы отрубал, над камином вешал, или на мясо... хотя какое с зимы мясо, зима сама все мясо поест... хотя мне зима наоборот салца прибавляет... на мне любимом... А тут ничего не тронул охотник, зачем, спрашивается...»

«Да какая разница, главное, за браконьерство за свое он ответит... Зим-то не осталось совсем...»

Даже не пытаюсь возразить, что черта с два я с ним справлюсь, кто бы он там ни был, даже не пытаюсь намекнуть, что он, может, уже выслеживает меня в зарослях, целится, ему издалека попасть раз плюнуть...

Цепочка следов ведет в низинку, подернутую туманом, теряется так, что даже он не может найти, куда пошел охотник. На мое счастье за туманом возвышается холм, на вершине которого поблескивает огонек, как мне кажется, хижины.

«Давай, поднимайся...»

Поднимаюсь по невидимой тропинке, – все больше проступают очертания уютного дома, где-то квохчут куры, просто не верится, что владелец этого местечка может вот так безжалостно отстреливать зимы...

Он велит мне достать пистолет и позвонить в колокольчик на двери – холодеет спина, понимаю, что дело предстоит серьезное...

Щелкает дверь, хозяин замирает на пороге, почему-то я представлял его себе моложе и крепче, этот какой-то тщедушный, похожий на высохший пергамент, и все-таки старым его не назвать...

– Вы... вы что? – оторопело смотрит на пистолет в моей руке, – вы... слушайте, и не стыдно вам, а? У меня и брать-то нечего, вот нашел, к кому вломиться вообще...

Не выдерживаю:

– Зимы... вы...

– Вот черт... прознали-таки...

– Да трудно было, знаете, не прознать... вы бы их хоть прятали, что ли...

– Да зиму разве спрячешь... даже мертвую...

Откашливается:

– Может... договоримся?

Уже открываю рот, чтобы сказать, что он арестован, и черта с два я браконьером договариваться буду – он, пославший меня сюда, опережает, говорит моим ртом, выдыхает моими легкими:

– До-го-во-рим-ся-а-аа...

Он быстро-быстро даже не говорит – втолковывает мне, что сказать. Хозяин пускает меня в холл с лестницей и плетеными креслами у очага, и снова не верится, что такой человек может отстреливать зимы...

Спохватываюсь.

Говорю:

– Вот что... есть одна зима...

Хозяин настораживается.

– ...такая зима, что всем зимам зима, зима на много лет...

Он вскидывается:

– Так пристрелить её... гадину...

– Вот и я про то же... пристрелить... только сначала найти надо, где она... а уж пристрелить, это у вас хорошо получается...

Зимобой недоверчиво косится на меня, наконец, осторожно кивает:

– Ну, хорошо... где она прячется вообще?

Он снова подсказывает мне, там, в голове:

«Я знаю... приведу...»

Повторяю за ним:

– Знаю. Приведу.

Кажется, зимобой начинает подозревать, что со мной что-то не так, – осторожно сигналию хозяину, чтобы не очень-то меня дергал, а то и так выгляжу как ненормальный. Спрашиваю как можно непринужденнее:

– Сколько вам заплатить?

– Да какие деньги, вы про что говорите вообще... – смотрю, как вспыхивают его глаза, нехорошо вспыхивают, – это же зима... душить её надо, гадину... душить...

Мне не по себе, будь моя воля, сбежал бы отсюда со всех ног, только нет моей воли, неведомый хозяин ведет меня. Зимобой собирает хитромудрое оружие, еще что-то, что может пригодиться в пути, хозяин моими устами говорит, что за полдня доберемся до лежбища зимы, если повезет, если не почувяла опасность, не затаилась, не спряталась, хотя такая не затаится, от такой сами все затаиваться будут...

Зимобой наскоро командует что-то дому, чтобы тот присмотрел за самим собой в его отсутствие. Снова направляюсь к лесу, – еще не зимнему, но уже не осеннему, застывшему в тревожном ожидании. Хозяин указывает на север, не совсем на север, чуть к западу, вверх по холмам, по холмам, выше в горы – начинаю понимать, что полдня пути будет недостаточно.

– Смотри, – одергивает меня хозяин, – смотри, смотри...

Смотрю. На чуть приметные заснеженные следы на пожухлой листве, на клочки белой шерсти на кустах, на обглоданные косточки октября, которому не повезло попасться в зубы зиме.

Вот черт... что делает, тварь...

Вздрагиваю от голоса зимобоя, – злого, прямо-таки пылающего ненавистью, дернул меня черт вообще связаться с этим психованным, уже хочется осторожно намекнуть хозяину, а может, работа моя кончилась, ну показал я зимобоею, куда идти, и хватит с меня, разрешите откланяться...

...не разрешают.

Зимобой поворачивается ко мне, глаза бешеные:

– Она же... зима эта... эта зима... Была уже...

– Нет, постойте, она же...

– ...была уже... на много лет... тогда... тогда... великий голод... она птиц убивала на лету... снег небывалый... замерзшие реки... зима же Берту забрала... и Претти... она же в дома заходила, зима... оголодавшая... людей забирала...

Ёкает сердце, только сейчас понимаю его звериную ненависть к зимам, его лютую жажду мести...

Сжимаю зубы.

Вперед.

Будь я проклят, если не доберусь до ущелья, где прячется зима, несущая смерть...

Все сильнее ощущается холод, он уже не просто покалывает, он обжигает, жалит, хочет сожрать. Понимаю, что лежбище зимы совсем близко, спохватываюсь, что я со своим ружьишком здесь как пятое колесо на собаке, что зима меня с моим ружьишком пополам перекусит, тут-то и смерть моя... а вот интересно, живой я или мертвый после того, что случилось... Хозяин объяснял что-то, что я теперь вроде и ни живой, и ни мертвый, и живой, и мертвый одновременно, я его не слушал, честно говоря, и слушать-то не хотел, мне достаточно, что я могу ходить и говорить, есть, пить, дышать, думать, и теперь бы отстреляться с этой зимой, вернуться домой, уже неважно, каким, живым или мертвым...

Хозяин...

Я не знаю его имени.

Не хочу знать.

Я вообще ничего не хочу про него знать, я хочу расправиться с зимой и вернуться, то есть, расправляться буду уже не я, а зимобой, что-то подсказывает мне, что моего ружьишка будет недостаточно...

– Зима... на много лет... – он снова поворачивается ко мне, – сколько смертей... по улицам шастала... в дома... Берта... Претти... очаг остыл... иней... холод...

Вздрагиваю – даже не сразу понимаю, что появляется передо мной, она слишком не похожа на тех, на всех...

Никогда мне не доводилось видеть такой красивой зимы, такой белоснежной шерсти, таких ослепительно ярких глаз, такого необычайно пышного хвоста, таких тонких ног, увенчанных острыми копытами. И никогда мне не доводилось видеть такой стремительной зимы – я и ахнуть не успел, как она кинулась на нас с зимобоем, даже странно, что зимобой успел увернуться, что он вообще остался жив...

«Стреляй... стреляй!»

Пытаюсь объяснить хозяину, что черта с два я подстрелю зиму из ружьишка, хозяин одергивает меня:

«Не меня, идиот...»

Холодеет спина, не верю себе, неужели меня вели сюда для того, чтобы...

Смотрю в хрустальные глаза зимы, зима повторяет мысленно, властно:

«Не меня, идиот... этого...»

Целюсь в спину зимобоя, ну давай же, говорю я себе, давай же, один выстрел, и все, и ты свободен, и пойдешь домой, уже неважно, какой, живой, мертвый, я же хожу, говорю, я же...

Стреляю.

Ружье отдает неожиданно больно, сильно, швыряет меня в снег, еще успеваю увидеть, как падает зимобой, как набрасывается на него огромная зима...

...кровавые бусины на снегу...

Кровавые бусины на оскаленной пасти зимы...

Зима поворачивается ко мне, хочу спросить, могу ли я идти, – тут же понимаю, что не могу, потому что я не живой, потому что я лежу там, на опушке, мертвый, а какой же еще, безнадежно заблудившийся в бесконечном лесу, есть ли вообще что-то кроме этого леса, кроме исполинской зимы, которая стала бесконечной...

Дикая охота

Араун выходит из дома.

А из дома выходить нельзя.

Араун смотрит на студеное звездное небо.

А на студеное звездное небо смотреть нельзя.

Араун ждет.

А ждать...

...нет, не нельзя, нет такого, что нельзя ждать – потому что никому и в голову не придет, что можно стоять и ждать, когда...

...когда...

..ветер завывает, рвет солому с крыш. Город настораживается, прислушивается в непонятном волнении, город чувствует что-то странное, как будто готов сорваться с места и бежать куда-то в никуда...

Люди плотно закрывают шторы, люди сидят по домам у жарких очагов, в тепле, пляшут отблески пламени на бледных лицах, люди теснее жмутся друг к другу, прислушиваются к завыванию ветра снаружи, к свисту вьюги, рассказывают друг другу леденящие душу истории про Дикую Охоту, которая несется в такие ночи высоко над землей, подстерегает зазевавшегося путника, а то и детишек малых похищает... маленький Араун слушает, сжимается в страхе, спрашивает у дедушки, а сюда Дикая Охота не придет – и дедушка Арауна обнимает, что ты, малец, не бойсь, мы её сюда не пустим...

– Догоняя-а-а-ай!

Маленький Араун бежит за Хольдой по осеннему лесу, подернутому первым снегом, в сумерках чуть виднеется косынка Хольды, догоняй-догоняй-догоняй...

...Араун оглядывается, спохватывается, а загулялись-заигрались-забегались, а до дома далеко-далеко, а хворосту толком и не набрали, у-ух, попадет...

Бегут домой, скорехонько-скорехонько, только бы успеть до темноты, до самой глубокой студенной ночи, говорят, в такие-то ночи...

...да ну, не верь, да враки все это, враки...

А вот верится, а вот боязно, а вот так прямо и чудится в темноте ночи топоток, стукоток, по веткам, по веткам, по верхам, по верхам, и ближе, и ближе... да нет же, это ветер гуляет в ветвях, да нет же...

– Бежи-и-и-м!

Бегут, обгоняют друг друга, а топоток-стукоток все ближе, ближе, подбирается со всех сторон, и вот уже земля сотрясается от топота копыт, и вот уже чудится за спиной разгоряченное дыхание диких коней...

Скорей...

Скорей...

Скорей...

– Бежи-и-и-м!

Араун бежит, быстро-быстро, скоро-скоро, шуршит листва под ногами, лес хватается корнями, ставит подножки, хочет ухватить, урвать, запутать, и не вырвешься, и не выберешься...

Араун вырывается, выбирается, отбрасывает ветви, царапающие лицо, слышит жаркое дыхание гончих собак, топот коней, окрики, ату, ату, ату, шелканье хлыстов...

Бежать.

Бежать последние несколько метров от леса через подернутый снегом лужок, через чахлое жухлотравье – к дому, в свет окон, скорее, скорее, на крыльцо, в дверь, щелкнуть задвижкой, упасть на теплую шкуру пампарда у очага, только сейчас понять, как лихорадочно трясутся руки, как крик рвется из горла, а ведь Араун все это время кричал...

И странно, что ни мысли о Хольде, и стыдно, что ни мысли о Хольде, только страх, страх, леденящий душу страх...

И тетушка утешает, а все хорошо, а молодец, молодец, а вырастешь, хранителем будешь...

Это всем так говорят, детям всем говорят, вырастешь – хранителем будешь, так-то ясное дело, не будет никто хранителем, это же как хранилище слушать надо, чтобы хранителем быть...

– А чего хранитель делает?

– Ну как чего, хранилище охраняет.

– А хранилище, там чего?

Тетушка руками разводит, ну как чего, хранилище, оно и есть хранилище, чего непонятно-то...

– Нет, а чего?

И тетушка руками всплескивает, ну что за ребенок, все дети как дети, а этот глупости какие-то спрашивает...

Воет студеный ветер над крышами домов.

Люди беспокойно ворочаются в постелях.

Араун подскакивает на шкуре пампарда, пытается ухватить обрывки сна, виделись как будто раскрытые страницы книги, только непонятно, что написано...

Отсюда из окошка хижины видна величественная крепость на холме...

– Что ты, спи, малец...

– А крепость...

– Чего крепость?

– А крепость во сне говорила...

– Ишь, чего выдумал, крепость ему во сне говорила чегой-то...

– А если и правда говорила, как знать-то... может, быть ему хранителем...

– Догоняя-а-ай!

Юный Араун бежит за Агнессой по осеннему лесу, платок Агнессы мелькает за деревьями, лови-лови-лови. Поймать, поймать, обязательно, обнять, поцеловать крепко-крепко, сказать самое-самое главное...

Вечереет.

Сумерки окутывают лес.

Агнесса спохватывается, Араун спохватывается, как так, уже сумерки, как так, уже темнеет, а где дом, а до дома еще идти и идти...

Агнесса и Араун торопятся, боятся не успеть дотемна, ночи сейчас недобрые, колесо года перевалило за Самайн, за темную половину, пришло время холодных ночей, студеных ветров, снегопадов, время Дикой Охоты, когда скачут по небу призрачные всадники...

Скорей...

– Скорей!

Шуршит листва под ногами, коряги и корни хватают за ноги, ставят подножки, тянут назад. Спешить, спешить – пока не зашуршал ветер в ветвях, пока не послышался высоко в небе конский топоток, пока не обдало спину жарким дыханием гончих, не послышались крики – ату-ату-ату...

– Бежи-и-и-м!

Агнесса не хочет бежать, Агнесса не понимает, ну что такого, что страшного-то, да не бойся ты, да нету тут ничего, волков уже лет пять как не видели... и не объяснить Агнессе, что видел Араун, видел, сияющие огни высоко в небе, летящие прямо на него...

Агнесса откидывает со лба светлые пряди, все так и переворачивается внутри от этого жеста:

Да тебе показалось тогда... я вот маленькая была, мне в лесу ведьма привиделась, жуть такая, вечером это было, а утром туда с тетей Салли пришли, а там дерево корявое стоит, ветками машет...

Арауну уже и самому кажется, не было никакой Дикой Охоты, мало ли что привиделось...

И все-таки спешит поспеть к дому дотемна, а Агнесса не торопится, да ты посмотри, ночь какая, а луна сегодня какая, а снегом припорошило... И согласиться бы сейчас, что ночь и луна, и обнять Агнессу, и впиться губами в губы, чтобы само время остановилось, споткнулось, замерло, смотрело на двух человек в осенней роще...

Свист.

Там.

Над деревьями.

Араун срывается с места, хватает Агнессу:

– Бежи-и-и-им!

Бегут – со всех ног, во весь дух, Агнесса визжит, Араун еще успевает обернуться, чтобы увидеть все ближе и ближе голубоватое сияние, вспышки неземного, потустороннего света, и видятся исполинские морды, не то конские, не то гончих, и горячее дыхание, от которого гнутся ветви деревьев...

Бегут.

Скорее.

Во весь дух.

Со всех ног.

С треском рвется платье Агнессы, запутавшееся о корягу, Араун теряет шапку...

Скорей...

Последние несколько метров от темного леса до теплых домов со светлыми окнами, бегом по пустоши, чуть подернутой снегом, на крыльцо, хлопнуть дверь, укрыться в комнате на шкуре пампарда, только сейчас понять, как мелко дрожат руки...

– ...Хранителем будешь...

Араун не верит себе, быть не может, ошибка какая-то, да нет, никакой ошибки, люди в парче и золоте снисходительно кивают:

Хранителем будешь...

Агнесса смущенно улыбается, Агнессу так же смущенно утешают, а вы не дотянули немножко, ну да ничего, вы помощницей хранительевой будете, это тоже очень почетно...

Люди укрывают крышу Крепости, плотнее, плотнее, чтобы не пробился зимой студеный мокрый снег. Хорошо в крепости, тут и опочивальня есть, и зал с очагом, и все в золоте и парче...

Араун вешает на крыше оберег от Дикой Охоты.

Мало ли.

И на двери вешает оберег от Дикой Охоты.

Тоже мало ли.

Народ посмеивается, что-то ты выдумал, кто ж сейчас в Дикую Охоту верит-то... Араун молчит, ну как он скажет, что видел, видел, не раз, и не два видел в небе голубоватые всполохи, недоброе, неземное серебристое сияние...

Араун подходит к двери Хранилища, как велит ритуал, Араун прислушивается, чувствует хранилище. И хочется зайти, и глянуть, а что там – а нельзя, нельзя...

Ветер завывает над крышами, стучится в окна, гнет ветви. Снова приходят темные времена после тыквенно-желтого Самайна и перед ёлочным Йолем, времена Дикой Охоты.

Потрескивает огонь в очаге, люди закрывают шторы, изредка смотрят в темноту подступающей ночи в непонятной тревоге, как будто ждут чего-то...

Агнесса обнимает Арауна, ну, миленький, ну пожа-а-алуйста...

Араун мотает головой.

А нельзя. А табу.

– Ну, только один разо-о-очек...

Впивается губами в губы, крепко, хищно, жадно.

Араун тает, Араун выходит из покоев, вниз по лестнице, поворачивает ключ в замке Хранилища...

Араун выходит из дома.

А из дома выходить нельзя.

Араун смотрит на студеное звездное небо.

А на студеное звездное небо смотреть нельзя.

Араун ждет.

А ждать...

...нет, не нельзя, нет такого, что нельзя ждать – потому что никому и в голову не придет, что можно стоять и ждать, когда...

...когда...

А что остается, только бежать, бежать прочь из города, в темную чашу, в глубину леса, может, повезет, может, преследователи не пойдут туда, в темноту, побоятся Дикой Охоты, а то как раз самое время такое...

Бежать – прочь из городка, пока не вынюхали преследователи, не схватили стражники, а то схватят, скрутят, поволокут на площадь, разведут костер, судья зачитает приговор, зря, что ли, бежали за Арауном, кричали – взять его, и не скажешь теперь, не объяснишь, что это Агнесса просила среди ночи спуститься в глубины Крепости, в святую святых, а покажи мне, а интересно же, ну миленький, ну...

– А не было такого, – говорит Агнесса, позвякивают у неё на поясе ключи от Хранилища, должен же кто-то теперь хранителем быть...

Бежать.

Бежать прочь из крепости, прочь из городка, в темноту осеннего леса, стражники не пойдут туда, никто не пойдет туда, живы еще в народе предания о Дикой Охоте...

– Держи-и-и-и-и!

– Догоня-а-а-а-й!

Нет, не отстают, выискивают в зарослях леса...

Затаиться.

Спрятаться.

Легко сказать – затаиться на земле, подернутой первым снегом...

Холодное сияние в небе, леденящие всполохи.

Ближе.

Ближе.

И не затаишься, и не спрячешься, и сзади стражники, которые – Догоня-а-ай, а впереди оскаленные сияющие морды не то гончих, не то коней...

Вперед.

Вперед...

Крики где-то там, позади, голос Агнессы, да что ты, назад давай, ага, спохватилась, кукуша... поздновато спохватилась что-то...

Араун спешит в чащу леса, прочь от предательства, прочь от города, захлебнувшегося в самом себе...

Всполохи.

Свет.

Обжигающее дыхание гончих.

Распахнутая пасть...

– ...Хольда?

Хольда кивает, Хольда обнимает Арауна, Хольда говорит что-то охотникам, нервно, торопливо, а он тоже серверы слышит...

Прочь уносится в темноту ночи Дикая Охота, тает в тумане умирающей осени...

– ...сервер, говорите... – охотник смотрит на Арауна с подозрением.

Араун не понимает, какой север, там вон север, и называют здесь его по-иному, сервер...

– Да вон север...

– Да не север... э-э-э... а-а-а... а шкафы такие черные видели?

– Шка...

– Ну... э-э-э... сундуки... сундук такой большой стоит черный, от него такое идет... – дикий охотник показывает руками что-то неопределенное, – такое, что не видите, и не слышите, а такое...

Араун понимает:

– Хранилище?

– Вы хранилище видели?

Араун не понимает, кто – вы, он тут один, но...

– ...а видел... а был там... а меня хранителем взяли, а потом...

Араун понимает, что нужно рассказать много, много, и как мечтал хранителем быть при хранилище, и Агнесса... и они все, все...

...десять километров над уровнем моря...

...снижение...

Восемь километров...

...пять...

Араун гонит «Денди-Дога» над чащей, где-то здесь должен быть городок, нет, дальше, дальше, Хольда показывает, вот он, мелькают огоньки в темноте леса. Араун делает круг над городком, снижается, лучи прожекторов выхватывают из темноты тончайшие ветви деревьев, одинокого путника, который в страхе бежит прочь по осенней листве, чуть подернутой первым снегом.

Городок настораживается, топорщит уши, принюхивается к осенним сумеркам. Люди в неясной тревоге смотрят в окна, кто-то даже выходит на крыльцо, смотрит в недоброе сияние высоко в небе...

Араун снижается, Хольда говорит делать круги над городом, так сходу не остановимся. Араун прислушивается – Араун слышит сервер, сервер откликается протяжным криком.

Здесь.

Совсем рядом.

Сервер в крепости смотрит на Арауна, летящего над крышами домов, сверкают призрачные огни «Денди-Дога». В страхе разбегаются стражники в крепости, оземь бросают меткие луки, острые копья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.